Роман Неумоев

Рок в Сибири

Книга первая. Как я в это вляпался

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Это книга-разоблачение. Автор описывает историю возникновения в Сибири так называемой сибирской волны русского рока без романтического ореола. Герои сибирской рок-музыки показаны и предстают перед читателями такими, какими они виделись автору, какими он их знал. При этом автор далёк от претензий на объективность. Всё написанное автором в этой книге есть сугубо личное прочтение истории сибирского рок-движения конца 80-х — начала 90-х годов XX века.

- Роман Неумоев
  - ○
  - ○
  - ○ Глава 1. Эпоха «три шестьдесят две»
  - ○ Глава 2. Эпоха «три шестьдесят две»
  - ○ Глава 3. Эпоха «Три шестьдесят две»
  - ○ Глава 4. Отступление в год 1972-й
  - ○ Глава 5. Кружатся диски
  - ○ Глава 6. Не ходите, дети в школу, пейте дети кока-колу!
  - ○ Глава 7. Мальчики мажоры
  - ○ Глава 8. Клёвая пластамасса, пацаны!
  - ○ Глава 9. Шухаться, ребята, шухаться!
  - ○ Глава 10. Yes, sir, i can boogie!
    - ■
    - ■ Год 1979-й
    - ■ Год 1980-й
    - ■ Год 1981-й
  - ○ Глава 11. Полеты во сне и наяву
  - ○ Глава 12. Подлинная история «DDC» — клуба, или Мемуары Дудуиста
    - ■ Начало
    - ■ Продолжение
    - ■ Окончание
    - ■ Дача «All Dead»
  - ○ Глава 13. Рыжий бунтарь, Немиров
  - ○ Глава 14. Вот новый поворот или Машина с евреями
  - ○ Глава 15. Клуб любителей музыки
  - ○ Глава 16. Первая панк-рок дискотека
  - ○ Глава 17. Женщины рок-н-ролла
  - ○ Глава 18. Молодая поросль
  - ○ Глава 19. Как мы с Юркой Шаповаловым панковали

- Глава 20. Рассказ о том, как я, Шапа и Мух отправились в Свердловск по ресторанам пройтись
- Глава 21. Холодное лето 2003 года или Черный Лукич в Тюмени
  - Эпизод 1
  - Эпизод 2
  - Эпизод 3
  - Эпизод 4
  - Эпизод 5
  - Эпизод 6
- Глава 22. 12 апреля 1985 года или ДАДИМ ГОВНА!
  - Начало
  - Продолжение
  - Окончание
  - Ответ рок-клуба на постановление комитета ВЛКСМ ТГУ
- Эпилог первой книги

Роман Неумоев
РОК В СИБИРИ
Книга первая. Как я в это вляпался

© Роман Владимирович Неумоев, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПЕРВАЯ

КНИГА

Летов, Янка, Неумоев, Немиров и другие…

Глава 1. Эпоха «три шестьдесят две»

Да, дорогие мои, хочешь, не хочешь, а приходится признаться, что таки, вляпался. Вляпываются, обычно, в грязь или в дерьмо. И, вляпываются, обычно, дураки. Так что, можете смело считать меня дураком, ибо если бы я был, на самом деле, человеком умным и рассудительным, а наипаче того, с детских лет, набожным, так и не вляпался бы я, никуда. Ну, да что теперь говорить. Теперь уж я вляпался, втюхался, попал, как в детском стишке о подобных происшествиях говорится:

Шёл по лесу. Темно.
Пригляделся — пятно,
Сунул руку — тепло,
Поднёс к носу — говно!

И как это всё со мной могло произойти? Ума не приложу. И посыпаю голову пеплом, а уж поздно. Но ежели моя история послужит некоторым молодым людям к назиданию и поможет уберечься от подобных же ошибок, то это будет для меня некоторым утешением. Ибо несмотря на то, что я, разумеется, дурак, и вляпался, всё ж таки, сдаётся мне, что человек я не совсем потерянный, не полный негодяй и не злодей. И моего сердца, так же как и вашего, бывает, касается Божья благодать. И не одни, только, худые помышления исходят из оного.

Была весна 1978 года, когда окончив 8-й класс средней школы посёлка Игрим, что стоит на брегу реки Сосьвы, я был привезён родителями в областной центр, город Тюмень. То ли отец устал мотаться по «северам», то ли мать его, наконец уговорила. Мол, кое-что успели заработать, мебель там, машину, кой-какие деньги на сберкнижке имеются. Хватит, мол. Пора пожить на Большой Земле, как люди. Да, к тому же, Ромке (то есть, мне) пора переходить на учёбу в городскую школу, где подготовка соответствует требованиям ВУЗа. О высшем образовании сына пора было подумать, в самый раз. Бедная мама! Что, собственно, плохого было в этих её планах? Абсолютно ничего плохого.

В Тюмени нас ждала отличная, по тем временам, двухкомнатная квартира «киевского проекта», какие тогда доставались только начальству, работникам Главков, трестов и

прочей тюменской элите. Простых смертных, как мой отец (ну, что такое, главный инженер СМУ!?), и прочих, из рабочих и ИТР, в этих домах можно было по пальцам пересчитать.

Тюмень была еще, почитай, на половину деревянной, а большинство пятиэтажек, где проживали представители тогдашнего «среднего класса», именуются, и по сей день «хрущёвками». И большинство моих друзей, которых я тогда еще не знал, как оказалось, гнездились в этих самых «ХРУЩЁВКАХ», за которые Никите Сергеевичу, всё таки надо сказать спасибо. Хоть и малы, эти самые «хрущёвки» по сравнению со «сталинками», а всё же напряженность квартирного вопроса, несколько помогли они снять.

Многие из моих будущих (а теперь, как знать, может уж и бывших) друзей и подруг, живут в оных «хрущёвках» и поныне. Ютятся на шестиметровых кухнях и о чём-либо лучшем, могут только мечтать. Да и то сказать, иной раз, было бы о чём мечтать. Многие квартиры новой планировки, как оказалось, хоть и просторней этих «хрущёвок», а жить в них тяжелее. Железобетонные панели, из которых они построены, летом слишком быстро прогреваются, а зимой, наоборот, промерзают. А в родных «хрущёвочках», построенных из кирпича и имеющих капитальной толщины стены, зимой тепло, а летом — прохладно.

Что это за время, 1978-й? Страна еще строила БАМ. Присутствие советских войск в Афганистане вот-вот должно было стать свершившимся фактом. Но простой русский мужик эпохи советского периода отсчитывал не по стройкам пятилетки, а по тому, сколько стоила при том или ионом генсеке компартии бутылка водки. Тогда, в 78-м она стоила ровно 3 рубля 62 копейки. По этому поводу ходил сакраментальный анекдот.

> «Муж кличет жену, стоящую на балконе:
> — Жена! Скинь шейсят две копейки…
> — Да ты, что, сдурел? Они же рассыплются.
> — А ты их в трёшник заверни!»

Еще в то время, называемое нынче «застойным», а для многих наших граждан, так скорее благословенным периодом «тепличного брежневского социализма», ходила байка о семи противоречиях развитого социализма. Смысл байки, вот собственно, в чём.

1. Заводы работают, но… в магазинах ничего нет. 2. В

магазинах ничего нет, но… у всех всё есть. 3. У всех всё есть, но… все недовольны. 4. Все недовольны, но… все молчат. 5. Все молчат, но… анекдоты ходят. 6. Анекдоты ходят, но… никого не садят. 7. Никого не садят, но… все тюрьмы переполнены.

Тогда же, в 78-м, у меня появилась первая отечественная аппаратура класса Hi-Fi. Теперь, когда на каждом углу в магазинах торгуют японскими «Айвами» и «Панасониками», те вертушки и мофоны 70-х выглядят уродливыми монстрами. Но качество звука этих монстров и сейчас ничуть не уступает, а порой и превосходит хвалёную «японию». Тем более, что она, эта «япония» сплошь наштампована в Малайзии, Индонезии и на Тайване. Да и стоимость тогдашних «Юпитеров», «Илетей» и «Маяков», по сию пору, в 100 раз ниже. А сравнивает аппаратуру по внешнему дизайну, только лох. Для настоящих любителей качественного звука, первостепенное значение имеет «звуковая характеристика», записанная в прилагающемся к аппаратуре паспорте. Оную характеристику, в былые годы, никто из производителей не скрывал. А нынче, попробуйте найти в импортных руководствах по эксплуатации самые простые, казалось бы, параметры покупаемого аппарата. Ну, хотя бы, «рабочий диапазон частот». Вряд ли найдёте. Ибо, знают эти зарубежные производители и наши торговцы, что за 100–200 «баксов» втюхивают они нам аппаратуру, которую в 70-х у нас отнесли бы классу ко 2-му, а то и к третьему.

В те годы, существовала система социалистической интеграции. Суть её была в том, что союзные республики и страны социалистического лагеря, страны СЭВ, как тогда это называлось, специализировались на производстве и экспорте в союзные республики и страны, одного-двух или нескольких «фирменных» товаров. Башкирия была известна своим мёдом. Узбекистан — хлопком. Прибалтика — сельхоз продуктами и аппаратурой заводов VEF и RADIOTECHNIKA. Венгрия — автобусами IKARUS и консервированными овощами и фруктами. Молдавия — винами и фруктами. Вся страна пила Грузинский и Краснодарский чай, вприкуску с украинским рафинадом. Что в этом было плохого? Мне, рядовому гражданину и, уверен, миллионам моих соотечественников ясно, что абсолютно ничего плохого в этом не было! Ведь, по сути, братские народы, делились со своими соседями лучшим, что у них было. И это самая лучшая торговля и лучший «рынок». Теперь, когда мы наконец познали все прелести «настоящего рынка» и страну завалили недоброкачественной всячиной из Китая и Турции, а Польша,

наряду с лишенными витаминов, замороженными овощами, гонит в Россию «левый» спирт и алкогольные суррогаты с фирменными этикетками, о временах «брежневской интеграции», вспоминаешь с теплотой и благодарностью. Это была прекрасная система товарообмена, и те, кто её разрушил еще предстанут перед судом истории.

Глава 2. Эпоха «три шестьдесят две»

Тогда же, в 78-м, я впервые обнаружил, что с Запада, по каналам «коротких волн» вещают нечто такое, о чем я, в мои 15 лет, и не подозревал. На моем теперешнем языке это звучит так: с Запада, начала проникать в русские умы и сердца, та культурная зараза, что распространилась нынче, наподобие моровой язвы, и нельзя шага ступить по улице, чтобы глаза твои не наткнулись на аудио и видео продукцию, доступ к которой, в те годы был открыт только для «избранных», а попытка ознакомить с этим делом кого-нибудь другого, влекла к возбуждению уголовного дела.

Всенародно любимый Владимир Высоцкий хрипел из динамиков магнитофонов «АСТРА», «ЮПИТЕР», «ТЕМБР»: — Вон, дантист-надомник, Рудик! У него — приёмник «ГРЮНДИК». Он его ночами крутит — ловит, контра, ФРГе… А в журнале «Крокодил» можно было увидеть следующую карикатуру. Некий волосатый «хиппан», стоит на коленях перед радиоприёмником, сложив руки в молитвенной позе. Под рисунком надпись: «Иже еси на Би-би-си!»

Да, правы, тысячу раз правы были советские идеологи, не жалевшие денег на производство и эксплуатацию «радио-глушилок». Кабы эти «глушилки» работали с еще большим КПД, то и не услышал бы я в далёком 78-м по «Голосу Америки» группу «JUDAS PRIEST», а по «Би-би-си» передачи Севы Новгородцева «Рок-посевы». Да, и Слава Богу, если бы не услышал! Умереть, не умер бы. А жизнь, может быть, сложилась бы более счастливо. Но взошли эти рок-посевы. Ох, взошли, будь они не ладны.

Отступление в настоящее

Относительно «радио-глушилок», интересным является следующий факт. Аппаратура эта никуда не делась. Она не демонтирована и по сей день (август 2002 года). Просто она теперь выключена. В маленьком приграничном городке, на западных рубежах Отчизны, где я сижу и пишу эти строки, тихо подрагивают от порывов ветра мощные антенны. Они надёжно скрыты от посторонних глаз. В охраняемых помещениях ГРУ стоит потушенный пульт. Но стоит только поступить приказу и подтянутый оператор, молча повернет ключ, щелкнет тумблерами и на пол-Европы ляжет невидимым щитом электромагнитное поле радиопомех. Это тоже часть нашего оружия. Оружия особой войны — «информационной». Об этом знают те, кто и сегодня

готовит новый «Дранг нах Остен». Там, на Западе, в разведцентрах ФРГ и США прекрасно знают, что война не окончена. Это, просто, затишье. И маховик этой войны только слегка приостановлен.

Когда она началась, эта война, не прекращающаяся вот уже 10 веков? Может быть тогда, в IX веке, когда немецкие феодалы, закованные в новенькую броню, молча перешли на восточный берег Эльбы. И потёк это железный, кровавый, безжалостный поток, «Дранг нах Остен». Поток, сделавший исконно славянский Дроздов — Дрезденом, Липицк — Ляйпцигом, Щетин — Штеттином. Превративший Поморье в Померанию. И эта жажда новых земель на Востоке, до сих пор не угасла в крови потомков Зигфрида. Помни об этом, славянский мальчик, вслушивающийся в треск радиоприёмника. И когда ты услышишь позывные «Немецкой волны» и «Радио Свобода», знай, что за поставленными голосами дикторов и ведущих заманчивых радиопрограмм, скрываются грозные тени немецких, ливонских и прочих «крестоносцев», готовых в любой момент обрушить на твою голову адское пламя новейших ракет и бомб с радиоактивной начинкой.

Прости меня, мой читатель. Нет, я не хочу ничего тебе навязывать. Не хочу учить тебя жизни, с высоты своих 38-ми лет, 16-ть из которых отданы музыке. Я просто надеюсь, что ты сможешь понять то, чего я не понимал тогда, в 1978-м году, в Тюмени, слушая программы Билла Макгвайера, прорывавшиеся сквозь шум советских радиоглушилок. Я не понимал смысла этой «эфирной войны». «Тайны слова „приказ“, назначенье границ и стотысячный лязг боевых колесниц.» (*1) Теперь понимаю. Жаль, что так поздно.

Отступление в далёкое прошлое.

> «Зима 1293-го года. Беда многоглавым Змеем Горынычем нависла над Владимирской Русью. Снег в том году выпал рано, и сразу приморозило. Мертвые леса стояли тёмной игольчатой стеной вокруг белых озер, заметенных снегом пашен. Робко курились соломенные крыши, укрытых снегом деревень. Редко заржет конь, проскрипят полозья. Мужик, озираясь, проедет, долго тревожно вглядываясь во встречного, и, узнав, что свой, прокричит:
>
> — Ково знатья? Татар не слыхать, ле?

— Бают у Володимера! — прокричит в ответ.

О бедах страны нужно было думать не тогда, когда пришёл Батый. А еще раньше, прежде, еще за сто лет! Когда казалось, что мы самые сильные в мире, когда казалось. Что все народы окрест падают ниц, заслышав одно наше имя, когда мы судили и правили, разрешали и отпускали. Когда любая прихоть наша вызывала крики восторга. Тогда, стоя перед Создателем, мы решили, что перестали ошибаться! До того доросла наша мудрость. Когда уже некому стало нас удержать и направить, и ни кто не дерзал возразить противу, а если бы дерзнул — не сносил бы и головы своей! Когда мы решили, что до нас не было никого умнее нас, да и вообще никого: мы первые, единственные, великие! Вот тогда наступил наш конец.

Как до сего дошло? Вот о чем я думаю постоянно. За сто лет еще, всё уже было проиграно, и мы созрели для кары Господней!»

(Прямая цитата по Д. Балашеву)

Глава 3. Эпоха «Три шестьдесят две»

Еще раз прошу прощения за эти отступления в прошлое. Но хочется, чтобы читатели поняли. Ничто не пропадает в истории. Всё лишь меняет свои образы и воплощения. Представая перед новым поколением в причудливой форме настоящего.

Однако, сделаем скачок и в будущее, в 2002 год, на страницы модного московского писателя Виктора Пелевина. Он описывает следующую, скорее всего, придуманную им самим сцену из московской жизни. Не такую, впрочем, и фантастическую.

У ларька с видео-продукцией стоят несколько молодых людей и оживлённо обмениваются впечатлениями от недавно просмотренных голливудских видео-фильмов.

— Чуваки! Я вчера фильм новый смотрел, «Суки», называется!

— Да, ну, «Суки» — это фигня! Ты смотрел фильм «Гады»? «Гады» — это круче, в триста раз.

— Да, нет, пацаны! «Пидоры», «Пидоры», вы смотрели?! А «Пидоры2»?! А «Пидоры3»?! Нет, вот «Пидоры3» — это крутняк!

Забавная сценка. Но и это, тоже Война. Это война за умы. Война против Веры. Это запущенный американскими идеологами голливудский конвейер, работающий без устали на разрушение русской (и любой другой) культуры. Это воспитание «нового потребителя» в России, привыкшего смотреть вместо настоящих фильмов, созданных гением отечественной и мировой кино-режиссуры, фильмы «Гады», и «Пидоры3». Интересно, о чём будут говорить эти молодые, русские юноши, когда вслед за фильмами «Гады», умные американские дяди пошлют на их головы свои «Минитмены», «Тамогавки» и «Полларисы»? Наверное, уже о другом.

— Слыхали?! Вчера на Нижний упала ракета «Тамогавк»?!

— Да, ладно, чё там «Тамогавк»! На Псков прорвались две штуки «Тамогавк2».

— А про «Тамогавки3», вы слыхали? Вот, «Тамогавки3» — это круто!

On the Dark Side of the moon

Что интересного и необычного нахожу я сегодня в музыке группы «JUDAS PRIEST»?

Абсолютно, ничего интересного. Тупая, металлическая зубодробилка, разгул самых низменных страстей и обыкновенный «сатанизм» на обложке. Но тогда, в 1978-м, для моих неискушенных ушей это казалось откровением, новым словом в музыкальном творчестве. Это было неслыханно — так играть! Ревущие, резкие «рифы» искаженных «овердрайвом» гитар, мощный бит барабанов и визжащий, завораживающий голос вокалиста, поющего на непонятном языке. Казалось, он неистово голосит о чём-то важном, значительном. Впрочем, наши отечественные рок-музыканты оказались прилежными учениками. Огромная популярность питерских групп, типа «АЛИСЫ» или «Король и Шут», объясняется тем же, что и популярность американских «хеви-металлистов», или успех знаменитых «СЕКС ПИСТОЛЗов». Тот же, мощный бит барабанов, ревущие «гитарные рифы» и, главное, игра на детском любопытстве: а что же, там, on the Dark side of the Moon?

О том, что «там», на тёмной стороне Луны, мой друг Артурка Струков чётко сформулировал только теперь, в отрезвляющем голову Настоящем.

«Клинтон, с пухлыми губами,
Олбрайт, с хищными глазами,
Негры в форме US ARMY — это США!
Майкл Джексон, с „пидорскими“ танцами,
РЭП, с их чёрными засранцами,
Сорос, с грязными финансами — это США!»

(из альбома «Музыка Бунта», группы А. Струкова «Культурная Революция»)

Роскошная, советская ДРАКА

Лето 78-го пролетело как-то незаметно, и особых воспоминаний не оставило. В августе, мама отвела меня к, исполнявшей обязанности директора школы, учительнице по математике. Её звали Галина Петровна. Это была полная, пожилая, но не старая, ещё, женщина. Она посмотрела на мой аттестат о среднем, восьмилетнем образовании. Порадовалась

тому, что там были одни пятёрки и сделала одно только замечание. Почему по математике 4 балла? Мы, с мамой объяснили, что преподаватель математики Игримской средней школы, отличалась особой требовательностью, строгостью, и пятёрки ставила только особо одарённым математическими способностями ученикам. У меня, видимо, таковых не оказалось. Этот ответ, видимо, Галину Петровну вполне удовлетворил, и она сказала, что я могу, в сентябре явиться на занятия в 9-й класс «б». Как потом выяснилось, меня определили в самую престижную школу города Тюмени, № 21, с английским уклоном, в которой учились, почти сплошь, дети тюменского начальства. Школа добивалась 100 %-ной поступаемости своих выпускников в Высшие учебные заведения.

Но это было не самое главное в жизни. Гораздо важнее для меня была встреча с моим друганом, Юркой Шаповаловым. Мы с ним дружили еще до того, как меня родители увезли на Север Тюменской области, в посёлок Игрим. Конечно, мне было неохота никуда тогда уезжать, но так уж устроено в жизни, когда тебе 10 лет отроду — всё решают родители. Я прожил на Севере 5 лет, вернулся в описываемом,1978-м году, и встреча, с единственным своим тюменским приятелем, была для меня событием наиважнейшим.

Странно, но тот год, что мы с Юркой провели во дворе дома № 36 по улице Салтыкова-Щедрина, остался в моей памяти, чуть ли не самым ярким периодом моего детства. Я помню всё. Как гоняли шайбу в морозных сумерках по заледеневшему тротуару, освещенному тусклым светом голубоватого неонового фонаря. Как вместе хулиганили и ломали детсадовскую веранду, и удирали от разъяренного сторожа. Я помню, даже хоккейную клюшку, которая была тогда у Юрки. Помнит ли он? Не знаю.

Я — помню. Эта клюшка называлась «Ленинград». Она была какой-то новой конструкции, с пластиковым пером, и Юрка страшно ей дорожил и гордился. И Юрка умудрялся метнуть ею шайбу точно в железо-бетонный столб этого фонаря, что служил нам единственным во дворе источником света. А у меня шайба улетала в сугроб. И я завидовал Юрке. Я думал, что это Юрка так метко бросает шайбу, потому что у него такая классная клюшка. И я попросил маму, привезти из Свердловска, от дяди Толи, который был защитником свердловского «АВТОМОБИЛИСТА», настоящую, мастерскую клюшку, чтобы и я мог бросать шайбу не хуже Юрки. И случилось чудо! Мне повезло. Мама действительно

привезла мне в подарок клюшку «Лужники». Настоящую, мастерскую клюшку, какой не было, может быть, ни у одного, такого же мальчишки, в городе. И теперь, завидовал, уже Юрка. Но в столб, он всё равно попадал лучше. Видно, дело было не в клюшке. Таланта у Юрки больше было к этой игре. Он и на коньках потом катался, с таким шиком, что я от зависти только рот разевал. Да и теперь, через много лет, по части спортивных способностей, мне до моего друга Юрки далеко.

Но было одно дело, в коем я, тогда, моего друга Юрку превосходил. И дело это называлось коротким, но звучным и ёмким словом: ДРАКА!

«Но в жизни есть одно
Жемчужное зерно —
Роскошная, светлая Дрррака!»

(В. Шумов, группа «Центр»)

И вот тут я равных во всём нашем районе среди своих сверстников, не припомню. А драться нам тогда приходилось настолько часто, что всех драк теперь и не вспомнить. Но причина для того, чтобы так много драться была, и причина была веская.

Глава 4. Отступление в год 1972-й

Наш дом, на улице Салтыкова-Щедрина, в котором мы с Юркой оказались волею, так сказать, судеб, стоял на границе с районом, который в те времена назывался «САРАИ» (*1). Почему «сараи», я толком не понимал, да и теперь понимаю, вряд ли. Скорее всего потому, что там, в послевоенное время стали строить деревянные дома, чуть ли не самовольно, и дома эти были, зачастую столь примитивны, что скорее напоминали сараи, чем дома. Вот, отсюда, видимо и пошло это название, «сараи». И слава, об этих «сараях», ходила дурная.

Правда, к тому времени, как мы с Юркой поселились на границе с этими «сараями», большинство тех, кто эту дурную славу сему району стяжал, уже сидели по тюрьмам и лагерям. Но младшее поколение подрастало вполне под стать своим старшим братьям. Весь героический дух «отпетого хулиганства», был передан по цепи, так сказать, преемственности. Вот с этими-то, юными наследниками боевой славы отцов и братьев, пришлось нам, с моим дружком Юркой Шаповаловым, оказаться за соседними партами, в школе № 29 города Тюмени.

Помнит ли кто из нынешних читателей знаменитые и грандиозные драки «район на район»? Корни этого явления далеко искать не надо. Всё это, типичное продолжение традиционных для нашего мужского населения кулачных боев и «стенка на стенку». Но, как и многое при советском строе, мужицкая эта забава претерпела сильное искажение, не в лучшую, скажем так, сторону. Запрет, введенный при советской власти на этот вид народных единоборств, привел, как это всегда и бывает, не к искоренению самого явления, а к тому, что оно приобрело новые, уродливы формы. В отличие от традиционной, русской «стенки на стенку», где действовали четкие неписаные правила и законы благородства, советская драка «район на район» являлась, по существу, кровавой бойней, без всяких правил, и с применением любых самодельных боевых средств. Отрезки арматуры, труб, металлические вентили и кастеты, а то и ножи — неотъемлемые атрибуты этих потасовок воспитывали в участниках не боевой дух и закалку, а скорее привычку к подлости, коварству, кровожадность, и убежденность, что для победы над противником любые средства хороши.

Власть, в лице нарядов милиции, призванных, вроде бы, всё

это безобразие предотвращать и прекращать, в тайне этому потворствовала, ибо сама эта власть имела существо и психологию «языческую». А для язычника, коварство и бессмысленное кровопролитие, в чем-то, сродни доблести.

«Спрашивают Вову:
— Зачем на свете Власть?
Отвечает Вова:
— Чтоб пожрать, и всласть!»

Частенько можно было видеть такую картину. Толпа молодых людей, среди которых, впрочем, мелькают и совсем юнцы, и, наоборот, явные переростки, движется к ристалищу. Многие, даже не скрывают степень своей вооруженности. А милиция спокойно наблюдает за их передвижением на почтительном расстоянии. А вот, когда побоище уже состоится, и можно спокойно вязать раненых и обессиливших поединщиков, тут милиция резко активизируется и хватает тех, у кого уже нет возможности покинуть место битвы самостоятельно. Очень безопасно, «гуманно», и «по-советски» по-волчьи.

Впрочем, органы милиции, все ж таки, работу свою (которая «на первый взгляд, как-будто, не видна» (*2) делали, действительно тихо и незаметно. И, таким образом, наиболее активных героев межрайонных битв, к описываемому периоду, всё же пересажали.

Вот с таким, социально-активным контингентом, пришлось нам с Юркой столкнуться в школе № 29 города Тюмени, в 1972-м году.

Тактика поведения у меня была, скорее всего, просто инстинктивная, но, видимо, правильная. Во всяком случае, она меня и тогда, и в последствии, никогда не подводила. В каком бы новом коллективе я ни оказывался, я, в первую очередь, старался сразу «вычислить» главаря и одержать над ним верх. Это проще, чем иметь потом дело со всей, руководимой им стаей. Далее, показав свое превосходство, я всё-таки, старался слишком сильно этого «главаря» не унижать (если это было возможно), а установить с ним, а через него, и с остальными, хотя бы отношения типа: «Вы нас не трогаете, а мы вам жить не мешаем». В детстве это удавалось. Во взрослой жизни, бывает, что и не удаётся. Взрослая жизнь, она, как известно, куда безжалостнее. И в ней, этого главаря, иногда приходится, просто убивать.

При этом, я старался, по возможности, обойтись «без крови» и синяков. Старался дело выиграть борьбой. И всё-таки, обойтись без драки, за частую не удавалось.

Я приступил к занятиям на две недели позже, чем все, и когда начал учиться, то моего единственного в этом районе, приятеля Юрку, уже вовсю обижали, «как новенького», а вслед за ним, начали «прощупывать» и меня. Так что, пришлось мне, буквально с первых дней учёбы, проделать всё описанное выше. А именно, «заломать» классного заводилу, младшего братишку одного из сидевших уже «сараевских бандитов». Ну а дальше, так и повелось. Юрку обижают — я бью морду.

Глава 5. Кружатся диски

Итак, что же я обнаружил в 1978-м году, вернувшись с «северов» в родную Тюмень? Я обнаружил, что сильно отстал от жизни. Юрка, уже был не Юрка, а Юрий. У него были новые друзья и новые увлечения. Придя к нему домой, я увидел его комнате домашнюю, бытовую технику, о существовании которой, даже не подозревал. Оказалось, что брат Юрия, Олег, служит в Германии и привозит оттуда сведения о последних веяниях в области современной музыки. Благодаря чему, Юра слыхал даже такую экзотическую группу, как «ATOMIC COCKS». Признаюсь честно, но я и к 38 своим годам так ни разу с творчеством этой легендарной команды и не ознакомился!

Так что же я увидел в комнате, у друга моего детства, Юрия Шаповалова? Я увидел две огромные акустические системы от проигрывателя высшего класса «ЭСТОНИЯ». Колонки эти «выдавали», ватт по 50 номинальной мощности и исторгали из себя такие низкие частоты, что аж в животе что-то начинало, от подобного звука, вибрировать и опускаться. Звуковая характеристика этих колонок была 40 Гц, «по нижнему пределу», и 20 кГц — «по верхнему». Сама «вертушка» (*1) этой «ЭСТОНИИ», была, видимо, скопирована с какого-то зарубежного образца и была снабжена иглой-звукоснимателем американской фирмы «SURE». Вот тут, я впервые услышал и понял, что такое настоящая Hi-Fi — аппаратура, и по-настоящему качественный звук!

Плюс к этому, я обнаружил на Юрии «фирменные» джинсы «Леви Страус», ну и прочее импортное шмутье. Это, значит, получалось что? Получалось, что я, во-первых, безнадёжно отсталый. Во-вторых, одетый, как «ремок». А, в-третьих, типичный «лошпек» (*2), ничего не знающий о том, «что теперь надо слушать», и «во что надо одеваться». (И что интересно, я и теперь, в мои тридцать восемь, с точки зрения Юрия Игоревича, безусловно «ремок», и по части знания современной музыки, абсолютнейший «лошпек»!)

И никакие мои «пятёрки» по русскому, физике, и биологии изменить этого факта не могли! Лохом быть не хотелось.

Мои родители, стоявшие на несколько ступенек ниже на социальной лестнице, чем Юркины, могли мне позволить наслаждаться музыкой, при помощи, не более чем проигрывателя

«Radiotechnica» второго класса. А на таком аппарате, Юрок напрочь отказывался свои фирменные диски не то что послушать, а даже, и одного раза прокрутить.

Я ломал голову над вопросом: что же это за такая, новая, неслыханная музыка, слушать которую, на подобной супер-аппаратуре, есть удел любимца судьбы Юрки Шаповалова и его друзей, таких же «патрициев»? А мне что делать? Так и оставаться жалким плебеем? Ну уж, дудки!

И началась у меня болезнь, каковую можно было бы назвать «синдром Эллочки-людоедочки». Началась погоня за «фирменными» штанами, куртками и рубахами.

Но самое главное, для того чтобы попасть в число «избранных», необходимо было заиметь настоящие, импортные пластинки (или «пласты», «пластмассу» (*3), как их тогда называли). Причем, обязательно не такие как у Юрки, чтобы ему было интересно со мной общаться и обмениваться. И чтобы, хочешь-не-хочешь, а пришлось бы ему давать мне переписать на магнитофон евоные пластинки, плюс те, что попадали к нему от его друзей.

* * *

Эх, послать бы их всех тогда вместе с их «Левисами», «Вёрджинами» и «Уорнер Бразерсами», к едрене-фене, да жить бы себе спокойно и учиться! Так, нет же! Ну, да что уж теперь говорить. А ведь вот, может быть пройдет этак лет десять-пятнадцать, и буду я горько сетовать: «Эх, послать бы их всех, тогда, с их компьютерами и Интернетом. Вот бы и хорошо!» Да, крепки мы русские задним умом. Правильно князь Иван Димитриевич говорил.

* * *

Записывать всю эту музыку я мог тогда только на старенький, уже не раз ремонтированный, да к тому же кассетный магнитофон «Весна — 202». Мофон (*4) этот был, хотя и стереофонический, но «частотка», и соответственно качество звука было довольно паршивым. Не знаю, может быть, если к нему присоединить приличные колонки (*5), то еще было бы

ничего, а с его родной акустикой выдавал он звук от 80 Гц до 12,5 кГц. То есть, совсем даже не Hi-Fi. Юрка же имел, еще с класса 8-го, катушечный магнитофон «Юпитер-202», у которого был встроенный усилитель, выдававший звук от 63 Гц до 18 кГц (то есть, почти что уже Hi-Fi), через две небольшие, но довольно-таки качественные акустические системы, мощностью по 15 ватт каждая. Впрочем, этими колоночками он практически не пользовался, и потому, он их мне впоследствии, уже изрядно попорченные, уступил недорого, сочувственно входя в мое положение «аппаратурного голодранца».

Я с трудом усваивал новую для меня систему отношений. В этом новом мире было полно строгостей и условностей, и ничего не давалось даром. Те, кто был счастливым обладателем настоящих, «фирменных» 6 дисков, страшно ими дорожили. И это понятно, ведь одна такая пластинка, новая, с абсолютно не игранной поверхностью, и целёхонькой целлофановой оберткой, стоила от 70 до 120 рублей. То бишь ящик, а то и полтора, любимой народом водяры! Разумеется, простой народ этого понять никак не мог. И я, теперича, с простым народом согласен: морду надо было бить за такое!

Для сравнения, средняя зарплата рядового служащего была тогда тоже, где-то от 70 до 120 рублей. Двойные пластинки могли стоить еще и дороже, и 160, и даже 250 рублей. Причем обладателями довольно таки значительных коллекций, как это не странно, зачастую были молодые люди из вполне обыкновенных, простых семей, не обязательно дети начальства. У старшего брата, одного моего одноклассника, Игоря Лавренова, дома была довольно объёмистая пачка этих дисков, и аппаратура наивысшего класса, производства японской фирмы «AKAI». Получить в обмен пластинку у такого «богатого коллекционера» как Игорь Лавренов было, ой как не просто. Но, как мы увидим далее, и он бывал не раз «раскручен на пластмассу», причем никем иным, как нами, мной и Юркой.

Глава 6. Не ходите, дети в школу, пейте дети кока-колу!

Итак, чтобы Юрию было интересно поддерживать дружеские отношения, столь неожиданно прерванные несколько лет назад, пришлось мне поднапрячься и купить, рублей за 35–40, уже не новую, то есть, «попиленную» пластиночку, Это был диск группы «BLACK SABBATH» под названием «Sabbotage». Сами можете понимать, что это было за такое. Как слышится, так и пишется. Саботаж, он и в Африке, саботаж. Диск этот, повторяю, был далеко не уже не новый (а на новый мне и денег взять было не от куда), но для Юрки, соблазн его у меня взять и послушать был неодолимый. Поэтому, вполне можно было выпросить у него, «дашь на дашь», какой-нибудь, почти «нулёвый» (*1) «Deep Purple», или типа того. Таким образом, наши дружеские, вернее сказать, приятельские отношения, получали новое продолжение, и прочную основу взаимного интереса.

Юрий не долго колебался, давать, не давать, брать, не брать, и в тот же вечер притащил мне на обмен, взятую у кого-то «на прослушку» пластинку, взял у меня этот «Sabbotage», и оставил мне этот чужой диск (кажется это был диск Аллана Парсонза на стихи Эдгара По), дав строжайший наказ, не трогать поверхность пальцами и не вздумать даже, оставить на поверхности хотя бы одну свежую царапину. Особенно опасно было оставлять на поверхности такие царапины, на которых, чувствительные импортные звукосниматели ревнивых коллекционеров начинали потом соскакивать, или начинали в этом месте заедать.

Ну, и разумеется, я от неопытности, и от избытка осторожности, оный, первый попавший ко мне на обмен диск, уронил, и великолепнейшим образом поцарапал!

С замиранием сердца и страхом, возвращал я эту пластинку обратно, но всё, на этот раз обошлось. Юрий, видать уже этого диска наслушался, и вернул его хозяину, не обратив на царапину особого внимания. Уже спустя недели две-три, а то и месяц, хозяин диска попенял Юрию на эту царапину, но время предъявлять претензии, было безнадёжно упущено. Так вот, постепенно, кстати, диски и «запиливались» (*2), падая, естественно, в цене.

И опять-таки, приходится отметить, что недопонимал я тогда,

что за всей этой музыкой кроется нечто такое, что казалось бы, к самой музыке отношения не имеет. А скрывался за ней НЕКИЙ СПЕЦИФИЧЕСКИЙ «ДУХ», некая программа отношения к жизни, к действительности. «ДУХ» этот раскрылся для меня только через несколько лет, и возникло понимание того, что же это за «ДУХ». Это был «Дух» бунтарства, беззаботности, нонконформизма, и названо это было всё впоследствии: НАСТОЯЩЕЕ РОК-Н-РОЛЬНОЕ БЕЗОБРАЗИЕ.

Кстати, единственная, доступная тогда книжка о рок-музыке так и называлась «Музыка Бунта». И надо сказать, некоторыми, особенно американскими рок-бунтарями, предлагалось бунтовать отнюдь не по-мелочам, а в глобальном, мировозренческо-религиозном смысле.

«Сожги свой дом, Убей отца…»

И выяснилось в последствии, что рок, он практически всегда «против», и никогда «за». Против чего? Да против чего угодно! Можно против «наркотиков». А можно и против Господа Бога, и самих основ человеческого бытия. Тут уж, как говорится, на что фантазии хватит. Были, правда, исторически достоверные факты, когда наиболее изворотливые адепты этого жанра пытались представить свою рок-деятельность в абсолютно положительном смысле. Некий рокер 60-х, Николай Петрович Андриевский рассказал мне следующую историю.

Жил он тогда в Питере и учился в институте. При институтском студенческом клубе существовал ансамбль, для которого он, тогда еще просто Коля, писал тексты песен. И вот как-то раз вызывают его на какую-то плановую комиссию по культуре, где просят объяснить, что собственно у них за коллектив, и что они там проповедуют. Первый вопрос комиссии:

— Как называется Ваш коллектив?

— Наша группа называется «ЗА»! — бодро отвечает Коля.

— Постойте, постойте, — говорят ему члены комиссии, — что значит, «ЗА»? Вы, собственно, против чего в своих песнях выступаете? Может против войны во Вьетнаме или еще что, — подсказывают ему.

— Да, нет, — говорит Коля, — мы ни против чего не выступаем и не боремся. Мы не против. Мы как раз, «ЗА»!

— Нет, нет, ты подожди, — говорят бывалые тетеньки из комиссии, — ты давай нам голову не морочь. Ты давай говори тут начистоту, и правду. Против чего, собственно, выступаете. Какие пороки вскрываете, что критикуете и всё прочее, такое.

— Да ничего мы не критикуем, — пытается объяснять Коля. Я же вам русским языком говорю. Мы не против, мы — ЗА!

— Так, так… — переглядываются члены комиссии, — ну хорошо. А за что вы тогда боретесь? За что выступаете?

— Ну, мало ли за что, — удивляется такому непониманию Коля, — за любовь, за правду, за мир во всем мире, в конце концов.

Тут члены комиссии решили конфиденциально посовещаться и Колю отпустили. Но в добрые и позитивные намерения Коли и его друзей так и не поверили и группу их постановили запретить.

ВОТ ЧТО БЫВАЕТ, КОГДА ПЫТАЕШЬСЯ БОРОТЬСЯ ЗА ДОБРОЕ ДЕЛО НЕПОДХОДЯЩИМИ СРЕДСТВАМИ!

Так оно всё, на самом деле или не так, пусть спорят и доказывают ученые-культурологи. Я же могу только констатировать, что одновременно с началом у меня рокомании, как-то сам собой начал пропадать интерес к учёбе, снизился уровень ответственности перед окружающими и захотелось мне пить вино, гулять и веселиться. То есть, разлагающее влияние рок-музыки было налицо и лозунг «НЕ ХОДИТЕ, ДЕТИ в ШКОЛУ! ПЕЙТЕ, ДЕТИ КОКА-КОЛУ!» начал претворяться в моей жизни с нарастающей быстротой. Я начал «зависать» на каких-то развесёлых флэтах, где под эту самую рок-музыку, молодёжь моего возраста и постарше балдела 5, пилось вино и весело хохотали смазливые девчонки.

Юрка и тут, оказался куда покруче меня, ибо для развлечений о избрал не квартиры друзей, а ресторан «Русь», куда он стал наведываться в обществе братьев Паши и Андрюши Янковых.

Глава 7. Мальчики мажоры

Паша и Андрюша Янковы были персонажи, заслуживающие отдельного описания. Это были настоящие мальчики-мажоры, прославленные позже, как тип, в одноименной песне Юрия Шевчука, и в песне Бориса Гребенщикова «Мальчик Евграф». Они жили в доме напротив, что вырос рядом с нашим за то время, пока я жил «на северах» 1. Отец братьев Янковых был начальником одного из снабженческих трестов и имел прямой доступ на всяческие ОРСовские и УРСовские базы, где во времена «повального дефицита», всё отечественное начальство, с большим успехом от этого дефицита спасалось.

И вот, у этих-то мальчиков-мажоров, братьев Янковых, имелось всё то, о чем многие мои сверстники могли тогда только мечтать. И фирменные джинсы «Jordans», и японская бытовая техника, поступавшая на тюменские торговые базы по бартеру, и новенькие, порой даже нераспечатанные еще, импортные пластинки. Янков-старший своих сыновей, видимо шибко любил и отказа они не знали ни в чём. Положение Юрки Шаповалова было куда скромнее. И вот почему.

Был Щербина — была свинина…

Отец Юрия, хоть и был в те годы начальником не меньше любого Янкова, однако стремление его в высшие эшелоны власти, имело некоторые оборотные, и неприятные стороны. Оказывается, лучше было тогда, в те годы, в Тюмени быть начальником отраслевого треста, обеспечивающего нефтяные и газовые предприятия области каким-либо оборудованием, нежели начальником главка, а тем более представителем высшего аппарата партийной номенклатуры. Пирамида власти имеет некоторую особенность, заключающуюся в том, что чем выше ты подымаешься к вершине, тем более оказываешься на виду, и тем больше приходилось оглядываться на принципы партийной дисциплины, не допускавшие слишком уж злоупотреблять своими связями в системе снабжения. В конечном итоге, тут многое, если не всё, зависело от того, что за человек находится на самой вершине этой «властной пирамиды».

На вершине тюменской властной пирамиды находился тогда Геннадий Павлович Богомяков. Это был человек старой, коммунистической закалки, убежденный сторонник строгого соблюдения партийных норм жизни, ревнитель «морального

кодекса коммуниста». Сам он своих детей никогда не баловал никакими импортными игрушками, считая, видимо, что это может их испортить и развратить. И правильно, кстати, считал. Поэтому-то они и выросли дельными, самостоятельными людьми, и полезными членами общества. И если бы таких строгих к моральным устоям партийных руководителей было большинство, то вполне возможно, советская партийная элита, еще долгие годы не выпустила бы рычагов управления из своих рук и даже горбачевская «перестройка» не повлекла бы падение власти КПСС. Но, как говорится, и Великий Рим погибает от роскоши.

О таких, как Г. П. Богомяков на Руси принято говорить: строгий мужик, но честный, крепкий хозяин. Уверен, что, даже планируя знаменитый своей пагубностью для природы Поворот Сибирских рек на юг 2, Геннадий Павлович действовал исходя не из личного, ретивого желания «поднимать природу на дыбы», а из соображений партийной дисциплины, можно сказать, по смирению своему перед высшим московским руководством ЦК партии.

Простой народ, впрочем, об этих свойствах высшего партийного начальства вряд ли подозревал. И работу первого секретаря тюменского обкома партии оценивал по-своему. В ходу был следующий памфлет.

«Был Щербина — была свинина,
Стал Богомяков — лежат кости,
А где же, мякоть?…»

Тюмень, при Щербине стояла на 1-й категории обеспечения. Это было связано с безусловной важностью для страны, освоения тюменской нефти. Но когда вслед за ним, пост первого секретаря тюменского обкома партии занял Богомяков, в ЦК, видимо, решили, что острота момента с «тюменской нефтянкой» 3 прошла. Основные месторождения разработаны, нефть стабильно поступает по трубопроводам, и процесс строительства нефтяной и газовой отрасти идет своим чередом. Поэтому, в результате ЦКовских интриг, руководству Свердловской области удалось перетащить право на 1-ю категорию обслуживания на свою область. На практике это означало, что отныне, не в Тюмень, а в Свердловск стали поступать лучшие колбасы и свинина с Украины, молоко и сметана из Прибалтики, и прочие отборные продукты стали наполнять прилавки уже не тюменских, а свердловских магазинов. Вот чем обернулось, в этом случае

«богомяковское смирение перед высшим московским руководством». Да ладно! Это было не самое страшное. Гораздо страшнее стало жить после ухода Геннадия Павловича с политической арены, и вообще, из власти. Одним из первых, он приехал к Михаилу Горбачеву и заявил, что участие свое в гибельной, обреченной заранее на проигрыш перестроечной политике он не примет. Несколько часов пытался Горбачев уговорить Богомякова не уходить, называя его даже «предателем». Все уговоры были тщетны. Геннадий Павлович слишком ясно понимал, что начатые Горбачёвым «реформы», это начало конца…

Глава 8. Клёвая пластамасса, пацаны!

Наступила зима. Учёба шла своим чередом. Как еще один отличник школы № 21, я, благодаря разлагающему влиянию рок-музыки не состоялся. Ибо, бывало, по неделе отсутствовал на занятиях, прикрываясь «липовыми» справками, и попросту пытаясь отоспаться после очередного «сейшена».

Как-то раз, Юрий сообщил мне, то круг возможных поставщиков новых, непрослушанных еще, или не переписанных на магнитофон, дисков может быть значительно расширен, если наведываться время от времени на тюменскую «менялу». «Меняла» это было место, где встречались тюменские коллекционеры «фирменной пластмассы» Они тогда собирались на ступеньках Тюменского училища искусств, в среду и субботу, с семи часов вечера, и так это, примерно, до восьми, до половины девятого. И такие места встреч пластиночных коллекционеров существовали во всех, практически, крупных городах страны.

У меня, как раз образовалась подходящая сумма денег, рублей этак шестьдесят. Юрий, который был для меня в этой области непререкаемым авторитетом, довольно быстро мне доказал, что на этакую сумму, мы с ним на «меняле» купим пластиночку, ну абсолютно «нулёвую». Может «URIAH HEEP», а может что-нибудь и покруче.

Вышли мы из дома в большом волнении и ожидании приятных музыкальных сюрпризов. Приехали к музучилищу. Там, на ступеньках уже толпится человек десять. У всех под мышками черные сумки, у некоторых пухлые портфели, а там, внутри — ОНИ, вожделенные пластинки в ярких, глянцевых конвертах.

* * *

Здесь придётся снова сделать отступление, и объяснить, что это было за такое, эти западные виниловые диски, и почему к ним был такой интерес. Ведь и советская фирма «МЕЛОДИЯ», и болгарский «БАЛКАНТОН», и чехословацкий «СУПРАФОН», и прочие там, ГДРовские и польские фирмы грамзаписи, давным-давно выпускали всеразличные виниловые диски. И помещали

эти диски в картонные и бумажные конверты, и всяческий дизайн в их оформлении имел место. Однако же, ни хрена вся эта отечественная и «демократовская» [3] продукция на менялах нашей страны не стоила. Не котировалось всё это абсолютно. Тщетно пытались отдельные обладатели коллекций «демократовских» пластинок что-нибудь здесь поменять. Ответом им было молчаливое презрение.

Да, что и, говорить, отставали страны социалистического лагеря, а тем более грампластиночная промышленность СССР, по части качества винила и разнообразию дизайновых решений и внешних упаковок. Недопонимали у нас того, что еще в конце 60-х прочухали умные дяденьки-продьюсеры на Западе. Что сама пластинка, с фонограммой на ней записанной — это еще пол-дела. Не менее важно, как оформлен, с какой выдумкой и качеством картонный конверт, в который она вложена. То бишь вот этого, описанного у известного многим читателям моего опуса, Мирослава Немирова, принципа синкретического искусства, у нас и не понимали. Что альбом, пластинка — это произведение искусства на стыке направлений: поэзии, музыки, живописи, дизайна. То есть, то к чему стремились в начале века еще Чюрлёнис и Волошин, во второй половине 20-го века, на Западе было основательно осознано, и более того, поставлено на индустриальную основу.

Ну, действительно, сравните. Берёшь какой-нибудь «демократовский» диск. И что же? Внешний конверт, зачастую сделан из картона не самого высокого качества. На обложке, какими-нибудь крупными буквами, что-нибудь на их языке, такое написано, из чего только можно, разве что понять, что именно на этой пластинке записано. В общем, дизайн так себе. Внутренний конверт, вообще, как правило ровного, белого цвета., без всяких знаков отличия.

Берём диск, сделанный, скажем, в США. На лицевой стороне конверта, высокохудожественная, как правило, отлично нарисованная картинка, отражающая основную концепцию авторов музыки. Причем, важно то, что именно авторская концепция отражена на обложке, а не концепция художников, работающих на фирму-изготовитель. Далее идёт разворот. На нём куча отменных фотографий, масса сопутствующей информации о самой музыке, звучащей на диске, зачастую, аннотации и перечень участников. На внутреннем конверте — тексты песен. Сам диск имеет отличительный пятак с дизайновым логотипом

фирмы. И, самое главное, это то, что диск изготовлен из винила отменного качества. Иной диск можно хоть в трубочку сворачивать, ничего ему не будет. Ну что тут скажешь? Одно слово, Европа! Америка! Цивилизация!

Иные исполнители, как например, заинтересовавший меня в то время именно из-за оформления, Rick Wakeman, снабжали свои альбомы еще и книжечкой-вкладышем, так что это уже был не только диск. Это уже была целая книга, альбом прикладной живописи. Сейчас, с возникновением эстетики компакт-дисков, к сожалению, возможностей для таких роскошных дизайновых решений куда меньше. Слишком мизерный у «сидюков» формат, по сравнению с виниловой грампластинкой.

* * *

Ну вот, значит, приходим мы с Юрием на тюменскую «менялу». Уже темно. Зимой в это время, уже, не то что сумерки, а настоящая темнота. Как же это, думаю я, при свете тусклых уличных фонарей, освещающих вход в Тюменское училище искусств, сумеем мы разглядеть, есть ли на пластинках царапины или нет? Ну, думаю, Юрка опытный филофонист, как уж нибудь не ошибётся. Наивный я был. Простота, к коей я привык, живя на Севере, для тюменской жизни была не свойствена. Поэтому, только потом, когда уже поздно стало, понял я, что тут каждый решает сам за себя. Юрке, например, важно что? Чтобы интересную пластиночку послушать. А новая она или «попиленная», ему-то какая разница!? Деньги-то мои, не его. Продавцу тоже, прямой интерес «впарить» диск не первой свежести. В общем. Ту как на всяком базаре, два дурака. Один продает, другой покупает.

Глава 9. Шухаться, ребята, шухаться!

И вот тут, впервые, столкнула меня жизнь с человеком, которого можно было назвать достопримечательностью тюменской менялы. Это был некий, Володя Соколов.

Выглядел он, примерно, так. Небольшого роста. Подвижный. Нормального телосложения. Одет он был в светло-желтый плащ, черные брюки и востроносые туфли. Аккуратно, в общем, так одетый, как спецагент. Ничем особым в одежде не выделялся. Рот он имел выразительный. Губы, такие, как бы, несколько презрительные, красивые и плотно сжатые. При этом Володя вёл себя как классический, удачливый коммивояжер. Он быстро, почти скороговоркой подбадривал окружающих, сонных как тетери, меняльщиков.

— Ну, что, чуваки! Стоим, скучаем… Шухаться надо, шухаться! Клёвую пластмассу надо брать! Ну, чё, давайте!.. Шило на мыло, часы на трусы.

Посетители менялы смущенно улыбались, ёжились и только сильнее прижимали к телу кейсы с пластинками. Шухаться, разумеется, надо было, но прогадать при этом не хотелось. Раз обменяв свои добротные «часы» на чьи-нибудь рваные «трусы», назад эти «часы» уже не получишь. А за них, между прочим, денежки плачены, и не малые.

Ну, да что уж. Хрен с ними, с денежками, решил я. Трудно было не поддаться обаянию Володи Соколова. Пошли мы втроём, я, Юрий и Володя, в предбанник музучилища, где было как-то, посветлее. И там я купил у этого «коммивояжера» первую свою, по-настоящему, дефицитную, пластиночку. Из всех, имевшихся у Соколова в пухлом портфеле дисков, Юрий выбрал, естественно то, что его интересовало, на тот момент, больше всего. Это был диск группы DEEP PURPLE, «Deep Purple in Rock». При тусклом свете неоновой лампы, Юрий эту пластинку покрутил в руках, так и этак, и бросил мне с видом знатока:

— Ну, не знаю, Ромыч. Тебе брать. Альбом, вообще-то, один из лучших. Я бы взял.

Да-а-а! Юрий знал, как сказать! Ум, стиль, парода! Кстати, почему он был теперь Юрий? Вообще-то, он, конечно, был для меня, по-прежнему, Юрка. Просто, когда я ему звонил домой и

трубку брал его отец, как уже говорилось, Очень Большой Начальник, то разговор происходил следующий:

— Алло! Вас слушают.

— Здравствуйте, а можно Юру?

— Юрий отдыхает…

На этом, частенько, разговор и заканчивался. Ибо просить далее, позвать к телефону отдыхающего Юрия, казалось какой-то дикостью.

Итак, это его «я бы взял», на практике означало, что, с одной стороны, если не возьмешь, то будешь дураком, а ежели что не так, то он тут не причем. Что было делать? Я взял!

Диск был отвезён, разумеется, к Юрке. Какой смысл такой раритет слушать на моей «колымаге»!? И только на следующий день, у Юрки дома, я узнал, что пластинка сия изрядно уже повидала виды. Так что, это был классический «пападос», когда покупаешь вещь редкую, но уже изрядно попорченную. Юрка меня утешал. Ничего, мол, Ромыч, с кем не бывает, по первости. Все мы с этого начинали. А то, что я там вчера недоглядел, так у меня же зрение плохое. Ты же сам знаешь.

— Не горюй, Ромаха! Обуем, потом кого-нибудь, с этим Дю Паплом!..

С Дю Паплом, не с Дю Паплом, но пришлось и нам не раз с Юркой «обувать» доверчивых лохов.

Глава 10. Yes, sir, i can boogie!

Вот в таком, как я уже это описывал, состоянии рок-н-рольного кайфа* и развесёлых сейшенов пролетел 9-й класс и я перешёл в 10-й. Как мне это удалось? Сам удивляюсь. Видимо, благодаря исключительным, недюжинным способностям к учёбе. Пропущенный за неделю кутежей материал, я нагонял за пару дней, после чего, как правило, следовал очередной «загул».

Учителя и администрация школы, наконец-то раскусили мою «систему», и начали меня откровенно «заваливать» на уроках, искусственно превращая меня в «двоечника». Пришлось вмешаться моей маме, которая работала товароведом в тюменском комбинате питания «ЗАРЯ». Мама, поняв, что дело идёт к тому, что мой аттестат о среднем образовании будет напоминать скорее «волчий билет», решила предпринять контрмеры. Некоторое количество копчёной колбасы, муксуновых** балыков и банок с красной икрой, практически мгновенно, переменили гнев моих строгих учителей на такую милость, что ни о каком фатальном исходе моей учёбы не могло быть и речи. За свой аттестат я мог быть совершенно спокоен. Он был у меня, фактически, уже в кармане.

Впрочем, далеко не всех можно купить. Вообще, деньги и взятки, как я убедился в процессе жизни, не всесильны. Так с одним моим преподавателем произошёл у меня следующий презабавный эпизод.

Как-то раз, возвратясь из очередного «загула» и придя на урок военного дела, я услышал от своих одноклассников осторожное предупреждение, что, мол, военрук обещал мне задать жару за мои прогулы. Я почувствовал, что опасность, пожалуй что реальна, так как военрук был мужчина немногословный, полковник в отставке и производил впечатление человека неподкупного. Впрочем, кто его знает, никто его подкупать, в общем-то не собирался, ибо отметка по военному делу в аттестат не шла. Короче, я занервничал. Что, думаю, делать? Как избежать инцидента? И решил я, что лучшая оборона — это нападение. Посему, решил я встретить военрука неким упредительным ходом. Быстренько заготовил я ключевую фразу, рассчитанную на то, чтобы вызвать у военрука юмористическую реакцию, и тем, сразу, «съамортизировать» удар. Фраза должна была звучать так. Как только военрук войдет в класс, я намеривался, решительно

направиться к нему и выпалить:

— А не велите, казнить! Велите, миловать!

Ну, помните, из мультфильма «казнить нельзя, помиловать!» Вышло однако всё не так гладко, как я рассчитывал. Вышло как в анекдоте про Волобуева. То ли от волнения, то ли еще почему, но вместо этой фразы, в лицо приближающемуся военруку из моего рта понеслось:

— Не вините, козлить!..

— Что?! — вытаращил на меня глаза оторопелый военрук.

— Не ви-ни-те, козлить…, — промямлил я смущенно, краснея при этом прямо на глазах.

— ЧТО-о-о?! — краснея, в свою очередь от гнева, — прорычал военрук. Вон из класса!

Понимаю я теперь его гнев. У него были все основания думать, что я над ним просто изощренно издеваюсь. Да еще и в присутствии всего класса. Это пахло подрывом авторитета. Поэтому на следующий день, на построении, он нанес мне ответную публичную пощёчину. Дав приказ сделать два шага вперёд из строя, военрук перед всем классом предложил мне больше его занятия не посещать и пообещал поставить мне тройку. Какой это был, всё-таки благородный, хотя и наивный человек. Он надеялся на мой стыд! Но я, только облегчённо вздохнул, и воспользовался его благородством.

Год 1979-й

В десятом классе, у Юрки, а в след за ним, и у меня, появилось новое музыкальное увлечение. Начался ДИСКО-БУМ. Рокочущие звуки хард-роковых, блюзовых и рок-н-рольных команд, видимо, несколько утомили. Хотелось чего-нибудь новенького. К тому же, в ресторане «РУСЬ», куда Юрка наведывался в компании братьев Янковых, народ отплясывал, отнюдь, разумеется, не под музыку Дю Паплов и Цеппелинов. Под их музон***, попробуй попляши! В 1979-м году явила себя миру танцевальная музыка. Уж не знаю, кому пришла в голову эта идея, загнать музыку в ритмические рамки еще более жесткие, чем рок, но этот «кто-то» был голова! Ему пальца в рот не клади.**** Если, почти весь рок существует в рамках размера 4\ \4, и основой его является «музыкальный квадрат»*****, то ДИСКО пошло еще дальше, и к этому «квадрату» добавился еще один, своего рода, «догмат» — чёткий ритм, с периодом 120 ударов в минуту. Видимо, было научно рассчитано и доказано, что именно такой ритм даёт возможность сердцу наилучшим образом адаптироваться к динамике танца, и можно под такой ритм танцевать хоть до упаду, хоть с вечера до утра. На экраны западных кинотеатров вышел знаменитый кино-диско-боевик «Лихорадка субботней ночи», с Джоном Траволтой, в главной роли. А в тюменских «кабаках» стали лихо отплясывать под «хит»****** группы «Stive Miller Band» под названием «Abracadabra».

Радио «Голос Америки» радостно захлёбывалось от восторга перед новыми кумирами, славой и талантом, которых можно было вновь завоёвывать умы и сердца молодёжи всего мира. Зазвучала неподражаемая Глория Гейнер. Дворы тихих российских городов вздрогнули от захватывающих рефренов «Бони М», «Бэл Эпокью» и «АББЫ».

Мы с Юркой, позабыв про рок, поддавшись всеобщему ажиотажу, лелеяли новенький диск группы «La Bionda» и млели под хит «Джонни О'Йес» некой, мало кому теперь известной группы, «Gilla». «Space», «Cerrone», Джорджио Мородер и «Kraftwerk», на время затмили блеск «Хиппов», «Квинов» и «Цеппеллинов».

Боже мой, дорогой читатель! Какая всё это хренатень, по сравнению с Третьей Мировой ядерной войной! Но так уж устроена жизнь. И в этой жизни, людям обязательно нужно

развлекаться и веселиться. И кто-то очень умный, давным-давно это понял!

Год 1980-й

Но вот закончился и этот период моей жизни. Подошло время выпускных экзаменов. Сдавал я их презабавнейшим образом. Мама принесла мне номера билетов, которые я должен был выучить. Балыки и колбаса делали своё дело вернее, чем законы Бойля-Мариотта и всемирного тяготения. На экзаменах экзаменаторы молча кивали мне на «тот самый», приготовленный только для меня билет, и я бодро его хватал и отчеканивал заученное накануне. Так мой аттестат снова наполнился хорошими отметками. Я взял его под мышку и отправился поступать в Университет.

Только на вступительных экзаменах в Тюменский Государственный Университет я оценил и понял, что такое школа № 21, которую я только что окончил. Оказалось, что весь 10-й класс мы только и делали, что проходили программу вступительных экзаменов в ВУЗы а, заодно, и весь материал 1-го курса Университета по математике, физике и инязу.

Небольшая заминка случилась со мной только на экзамене по математике (устно), то есть, по теоретической её части. Тут выяснилось, что школьный материал надо было не только «проходить», надо было, всё ж таки что-нибудь и «учить». Мне было предложено доказать, что в круге содержится, не сколько-нибудь, а ровно 360 градусов. Как это доказывается на самом деле, я и теперь не знаю. Но на экзамене я не растерялся, и быстренько выдумал свой, «оригинальный» способ доказательства. Я попросту предложил взять квадрат, измерить его 4 угла и обнаружить, что все они ровно по 90 градусов. В сумме это даёт аккурат 360 градусов. Далее, я предположил, что ничего не стоит «растянуть» это квадрат до круга, не совершая при этом разрыва и пользуясь тем обстоятельством, что и то, и другое есть «замкнутая кривая»! Таким образом, в результате проведённой операции, количество углов, а, следовательно, и градусов измениться никак не может, и останется тем же, то есть ровно 360! Тот факт, что круг, в отличие от квадрата, углов не имеет вообще, в данном случае несущественен. Так полагал я. Ну как тут не вспомнить бессмертные сроки из песни группы «ДК», посвященные именно таким вот «учащимся рокерам».

Я учился всегда на тройки,
За мудилу считали друзья,

А теперь я — дитя Перестройки,
Рокенрольщик теперя я!

В «битласне» разгляжу Мессию,
Как Христос волоса отпущу,
Неформальный я, и красивый,
Только Сталина не прощу!

Ах, ты, Сталин, парнишка жестокий!
Ты зачем в 37-м пошутил?
Верных «ленинцев» дёргал ты током,
Понастроил ты братских могил.

А они были, как святые…
Как ягнята, друзья Ильича,
А сегодня их внуки крутые
В микрофон нашу «Гласность» кричат!

Вот и я, теперь, ду-ду, ладу-ду, ладу-ду…

(группа ДК, альбом «Непреступная Забывчивость»)

В общем, не всё в этой песне про меня, но надо признать, что в целом сказано верно, ибо способ доказательства был придуман дурацкий. А какой он мог быть еще, в результате моей учебы под рокенрольным кайфом?! Короче говоря, я поступил все же на физический факультет ТГУ и моя беззаботная, полная музыкальных увлечений и впечатлений жизнь, продолжилась в новом качестве студента.

Могло показаться, что в мире ничего, существенным образом не изменилось. Но это было не так. Наступала совсем другая эпоха. Закончились благостные, спокойные 70-е. Наступила эпоха 80-х. Время перемен. Она принесла с собой новую цену на водку, ну и, разумеется, новую музыку! Мы еще слушали ДюПаплов, Квинов и Хиппов, но на горизонте уже маячило нечто принципиально иное. На мир готовилась нахлынуть «новая музыкальная волна». ПАНК-РОК и «New Wave» — вот что предстояло нам испытать в 80-х годах XX-го столетия. И это была встряска похлеще всех предыдущих музыкальных волн. Именно эта музыка вызвала к жизни всплеск самодеятельного творчества и рок-самиздата в СССР, породила тот самый «русский рок», каким мы его знаем сегодня. Кто мог предвидеть это в 1980-м

году? Только не я! Я поступил в Университет и надеялся его благополучно закончить. Мечты, мечты… Кому ведомо грядущее? Единому Богу, а более никому!.

Год 1981-й

Первый курс Университета прошёл для меня легко и непринуждённо. Хожу я на лекции, или не хожу было практически всё равно. Весь материал первого курса по математике и физике был мною пройден еще в 10-м классе. Что касается жизни вне занятий, то тут мало что изменилось. Жизнь студентов физфака, проживавших в студенческом общежитии, меня касалась мало, хотя я и заимел там новых приятелей. Я жил дома, в прекрасной квартире, и если о чём всерьёз помышлял, так это о том, где раздобыть, и на что приобрести аппаратуру, хотя бы и отечественного производства, но высшего класса. Не знаю, как бы я решил эту проблему, но как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Когда я еще учился в 10-м классе, из семьи ушел отец. Он уехал в город Нижневартовск, полюбив (или ему так показалось) другую женщину, и мы матерью остались вдвоём. Встал вопрос о моём трудоустройстве. Учиться на очном, в Университете, и одновременно работать, казалось мне безрадостной перспективой.

Пред самым уходом. У нас состоялся «семейный совет», на котором отец попытался нам с матерью ВСЁ ОБЪЯСНИТЬ, но я тогда ничего толком понять не мог. Я только чувствовал, что мой отец совершает что-то непоправимое, неправильное, предательское по отношению к нам с матерью. Я не выдержал и дал ему по физиономии, или по крайней мере, попытался дать. Он бурно отреагировал, но ответить мне не решился. Во-первых, как я уже говорил, дрался я неплохо. А во-вторых, он был не прав. Но, что тоже правильно, так это то, что я ему не судья. Его жизнь — это его жизнь. Так что дальше этой попытки я не пошёл.

Мне же, как всегда, выбирать теперь не приходилось. Надо было жить в новом качестве сироты казанской. Начал я свою трудовую деятельность с должности дворника. По счастью мне достался участок перед собственным домом. И вот, тот самый тротуар, по которому мы с Юркой когда-то гоняли шайбу, я теперь мёл метлой, а когда наступила зима, шуровал утречком снег большой деревянной лопатой. А что было делать? Жить-то надо!

И вот где-то в это время, между первым и вторым курсом Универа, случился с нами (в данном случае, со мной и Юрием Шаповаловым) странный казус. Слушать бы нам с ним, как и всем прочим «нормальным пацанам», то самое «развесёлое диско»,

или, на худой конец, «хэви металл», или «рэп», или зафиксироваться, как многие (лучше бы сказать, законсервироваться), на относительно серьёзной музыке «YES», «King Krimson» и т. п. Либо услаждать себя комфортабельными «Dier Straits». Так нет же! Обнаружил неуёмный Юрка некую принципиальную музыкальную новинку, появление которой на музыкальной мировой сцене столь красочно описал Вилли Токарев.

«На Брайтон-Бич на всех нежданно налетела
Девятым валом наша „новая волна“,
Открылись лавочки, а в них булавочки,
Булавка всякому прохожему нужна!»

(Из песни Вилли Токарева)

Упомянутая в этой песне «новая волна» — это и был тот самый PUNK ROCK, так сильно ударивший многим по мозгам, что эти многие, от такого удара, уже и не оправились.

Что характерно, музыка эта среди подавляющего числа тюменских коллекционеров совершенно не котировалась. Поэтому, с одной стороны, обменять или купить по дешёвке эти нью-вейвовские диски, случайно затесавшиеся в их коллекции, можно было легко. Но с другой стороны, дисков этих у них было «кот наплакал», а мы, разменяв свой «Рейнбоу» и «Дип Перплы» на этот нью-вейвовский ассортимент, становились на меняле абсолютно безинтересными, в плане обмена, клиентами, и вообще, «белыми воронами», которые слушают музыку не серьезную, дурацкую и малопонятную. «Хард кор»*, как это было названо впоследствии, то есть в переводе, «трудно воспринимаемую».

Для меня и сегодня очевидно, что с точки зрения рок-эстетики отечественные коллекционеры «фирменной пластмассы» своим пренебрежительным отношением к «новой волне» демонстрировали форменный невруб** и консерватизм. Ибо созданная около 1975–76 гг. в Нью-Йорке музыкантами типа Patty Smith и «New York Dolls» «новая музыка», по своему интеллектуализму превосходила даже таких признанных «интеллектуалов» как «Jethro Tull». А по энергетике и лихости была сравнима разве что с «гаражным роком» 60-х.

Короче говоря, увлекшись этой «новой волной», мы с Юркой,

волей-неволей оказались в своеобразном «элитарном подполье», в «андерграунде»***. Интересовавшие нас пластинки достать было архисложным делом. Но так оно было даже интересней.

Повторяю, что в первое время пластинок панк-роковых команд было у нас раз-два и обчелся, поэтому впервые Sex Pistols, Stranglers и Clash удалось услышать, опять-таки только по «Голосу Америки» и «ВВС» сквозь треск радиопомех. Но с треском оно, кстати, было еще круче!

ВВС радостно сообщило нам, что на английской, а затем и на американской рок-сцене появились музыканты, которые не только выдавали невиданный до селе гитарный рев и драйв, но в позыве музыкальной страсти полосовали себя бритвами и напоминали этим, разве что расшибавших в экстазе лбы религиозных сектантов.

Это было чем-то сродни русскому раскольничеству или хлыстовству. Впервые возник, применительно к музыке, термин «шаманизм». Рок-музыка начала открыто проявлять свою близость к сакральным формам древних, языческих и культовых ритмов.

Глава 11. Полеты во сне и наяву

Это, кстати, наводит меня на мысль о том, что сама рок-музыка, в целом как явление и социально-культурный феномен, духовно-близка язычеству, смыкается с ним и в той или иной степени, может рассматриваться как разновидность прикладного оккультизма. И, наоборот, рок-музыка очень плохо вяжется с христианством. Дух гордости, эскалация человеческих страстей, подрывной, мятежный характер этой музыки трудно соединимы с проповедью о смирении, человеколюбии, покаянии и исправлении человеческих грехов. Рок-музыка скорее возбуждает в человеке мотивы активного переустройства окружающего мира, нежели вызывает желание критически рассмотреть самого себя. А именно к этому призывает человека Христос! Посмотреть на самого себя и ужаснуться! Нет, рок-музыка, вызывает скорее желание ужаснуться окружающей нас несправедливости и взорвать эту несправедливость, к чертовой матери, хотя бы даже вместе с самим собой. Вот поэтому:

«рок так весело пахнет
сладким подмышечным потом
и полетом с 9-го этажа…»

(И. Ф. Летов)

Кстати по поводу полетов с 9-го этажа. Для людей, вошедших в слишком тесный контакт с силами тьмы, подобный конец жизненного пути совсем не редкость. Когда я сам, приехал в 1995 году в Псково-Печерский монастырь и обратился к известному всей православной России, прозорливому старцу, отцу Иоанну Крестьянкину, он мне, среди прочего, сообщил, что Дьявол, или как его называют в православной церкви, «враг рода человеческого», собирался меня вот-вот отправить этим маршрутом. То бишь, меня должны были именно выкинуть из окна какой-нибудь высотки. Но я вовремя взмолился к Богу, воззвал о помощи и был услышан! Так что этот мой исход, во всяком случае, отложен на некоторое, неизвестное мне, время.

Вы, читатель, можете мне чего доброго не поверить и спросите. Да кто же это может, например, меня выкинуть из окна? Нелепость какая-то! Кто? Да кто угодно! Кто-нибудь из ваших же друзей. И сам потом будет удивляться, зачем он это сделал.

Очень любят выкидывать людей из окон, оперативники ФСБ. Это, кстати, вообще фирменный знак КГБ: затащить на квартиру, там пытать, а в случае, если дело зайдет слишком далеко, и они переусердствуют с допросом, выкинуть жертву из окна для заметания следов. Так, что в наше время, когда человек уже давно летает в космос, полететь из окна не так уж невозможно.

И от всего этого как-то особенно хорошо и спокойно чувствуешь себя на кладбище. Стоишь вот так перед кладбищенской оградой и думаешь:

Там хорошо, там все мы квиты
Там все мы квиты, там хорошо
Там нет шиитов, и нет нинвитов*
Там все мы квиты, там хорошо

А здесь не очень, нет, здесь не очень,
Совсем не очень, здесь, как-то, так…
Здесь добрых мочат, доносы строчат
Погибель прочат, в чести — дурак.

Но вот ведь странно, ведь правда, странно,
Хоть там спокойно и хорошо,
Но как-то, рано, нет, правда, рано,
Пожалуй что, помучаюсь ка я здесь ещщо!

(Р. В. Неумоев)

Вот Он Добрый, Какой, Андропов

Это была странная, необычная, затянувшаяся осень. Деревья стояли все в огромных зеленых листьях. Проходя мимо кафедрального собора по улице Семакова, я любовался тем, как грациозно, готически нависали ветки над тротуаром, ведущим к красному зданию физического факультета. Но в этот день, природа как бы вздрогнула. Что-то в ней возмутилось. За ночь выпал такой мокрый и обильный снег, что с утра взгляду открылась картина, навевавшая мысли о возможности Конца Света. Снег опустился тяжелым, пудовым одеялом на зеленые ветки деревьев. Под тяжестью этого покрывала, те согнулись до земли. Некоторые, не выдержав этой тяготы, сломались и лежали на тротуаре, так что кое-где невозможно было ни пройти, ни проехать. В это самое утро 12 ноября, когда ноги вязли в образовавшейся от тающего снега каше, уже ближе к обеду, мне стало известно, по какой причине такое в природе творится. Умер

Леонид Ильич Брежнев.

Многие могут не согласиться. Ну и что, что он умер? А причем тут снегопад и прочие мистические совпадения. А я что? Я ничего. Может и ни при чем. А вот только, был такой факт. Снегопад этот был каким-то угрожающе-необычным и как бы это выразиться, предзнаменующим, что ли. Занятий в этот день никаких не состоялось. И я вернувшись домой весь день, как все прочие граждане, лениво испытывал траур под мрачную музыку заупокойных классических сонат и симфоний, каковыми сопровождались похороны всех наших генсеков, сколько их помню. Похороны Брежнева транслировались по телевизору, и я, вместе со всей страной мог наблюдать в самый кульминационный момент, веревка, или может материя, поддерживающая гроб, то ли оборвалась, то ли просто вырвалась, но только гроб с Леонидом Ильичем резко грохнулся в яму и чувствительные микрофоны этот казуистический обрыв зарегистрировали и разнесли по миллионам голубых экранов. И этот глухой удар отозвался эхом еще одного грозного предзнаменования. Короче, ясно было уже многим, что не к добру это все. И вот когда эти недобрые предчувствия впоследствии сбылись, то наш общий друг Артурка Струков написал по этому поводу песню. «Вот бы жить по-прежнему, как при Брежневе» В этой песне следующий текст:

Пришла мне в голову идея,
Что Леонид Ильич был прав
Хороший царь страной не правит
К тому ж, у нас своя, русская идея.

Вот бы жить по-прежнему,
Как при Брежневе.

И ликовал честной народ,
Лишь диссидюгам не сиделось,
Не пилось, не спалось, не елось
Переживалось за народ!
За декларацию, ту, прав
С мышленьем новым человека,
За ускорение Конца Света
Ох, все же Леонид Ильич был прав!

А свет действительно кончался
Уходит в лету наша колбаса

За нею курево и сахар
А телевизоры — взрываются!
Потом исчезнут сразу пиво с водкой
Куда-то уплывет вода
И тогда опустеют города
И белый свет перегорит
Как электропроводка!

Ох, вот бы жить по-прежнему,
Как при Брежневе…

(А. Струков, из песни «Вот бы жить по-прежнему»)

Первым подтверждением, что от всего этого добра не жди, стало то, что как обычно касается нашего русского мужика кровно и первостепенно. Спустя буквально небольшое время, после смерти Брежнева, пришедший ему на замену Юрий Андропов начал свои «реформы», и начал он их, разумеется с самого главного вопроса нашего бытия, с изменения цены на водку.

Отныне бутылка водки стала стоить не 3 р. 62 копейки, а 4 рубля 12 копеек, а затем и 4 рубля 70 копеек. Велика ли разница, спросите вы? А в масштабах страны? А в человеко-литрах! А в переводе на золото? Немыслимые деньжищи, которые, видимо, как воздух были необходимы новому генсеку для осуществления его планов по переустройству государственного аппарата.

Нет, ну вот сами посудите. Въезжает новый директор в кабинет. Надо ему там ремонт сделать? Надо! А где денег взять? По этому поводу, бытовал, опять-таки, анекдот.

Собрали партийные товарищи простых работяг и говорят. Вот, дорогие, хотим с вами обсудить, посоветоваться. Все вы знаете, как у нашего государства тяжело с финансами. Так вот. Что если мы сделаем водку по 5 рублей. Будете вы ее покупать? Помялись работяги, а потом отвечают:

— Что ж делать, будем!

— Ну, хорошо не унимаются партийные товарищи, а ежели по 10 рублей?

— Будем брать и по 10-ть, уже несколько смелей отвечают

работяги.

— Ну а по 50 рублей? А по 100, что ж все равно будете брать?

Задумались рабочие, помялись, посоветовались, и отвечают.

— Ну так что ж делать? Будем складываться впятером, а не то всемером, а все ж будем брать и по 100 рублей!

Тут уж партийные товарищи призадумались, и один из них, с хитрым прищуром говорит:

— Ну так ежели вы так любите водяру. Может, мы пойдем другим путем. И сделаем ее по рублю за бутылку

— Не, отвечают рабочие, — не надо делать по рублю.

— Это почему же?

— Тогда совсем сопьемся! — сказали рабочие и опустили головы.

А если серьезно, то что было делать рядовому мужику, если пришел Андропов и приказал стоить водке по 4–12, а затем еще и более того по 4 р. 70 копеек? Бросить водку пить? Оставалось только верить:

«Товарищ верь, взойдет она
На водку старая цена»

(группа «Д.К.»)

Слушал я этот анекдот и смеялся. А на самом деле плакать надо было, ибо на дворе 2003-й год, и зайдя в магазин я вижу собственными глазами то, что партийными товарищами представлялось как абсолютно гипотетическая фантасмагория. Я вижу водку по цене 100 рублей за бутылку!

Впрочем, запомнился Юрий Владимирович народу не только в связи с ею, с родимой (то бишь, с проклятой). Как-то утречком, часиков в 11, когда мне надлежало быть на занятиях, и когда я там, по своему обыкновению не был, прохожу я мимо кинотеатра «Юбилейный» и вижу, как из дверей кинозала выбегают дяди и тети с выпученными глазами и красными от волнения лицами.

Что, думаю, за такое? Неужто фильм какой, необыкновенно впечатляющий? Оказалось, нет. Оказалось, что этих дядей и тетей только что в кинозале застукали сотрудники МВД и завтра им всем будет на работе по выговору, и может даже с занесением в личное дело. Оказалось, что товарищ Андропов повел беспощадную войну с нарушителями трудовой дисциплины. Война развернулась на следующих театрах военных действий: в Центральном универмаге отлавливали участников «плюшевого десанта» — (в основном дамочек, которые должны были бы в это время сидеть за рабочими столами ОтиЗов и бухгалтерий, а они — аккурат в ЦУМ, за дефицитом намылились), в кинотеатрах, театрах, ипподромах и прочих местах общего пользования.

Этого еще не бывало! Облавы устраивались не на воров и прочих «уркаганов»**, а на простых граждан. Возникал вопрос, хватит ли у МВД людских ресурсов, что бы помимо поимки воров, убийц и насильников, ловить в разных местах прогульщиков и разгильдяев, и направлять их обратно на производство. Так и остался этот вопрос невыясненным, потому что представители высшего эшелона МВД СССР взяли Юрия Владимировича, да и грохнули.

И по делом. Не фиг над ментами издеваться! Такие вот были тогда дела. А вы говорите, купаться… Вода холодная!

Глава 12. Подлинная история «DDC» — клуба, или Мемуары Дудуиста

Начало

А что же, Юрий? Юрий окончил школу с отметками намного хуже. Но это, просто потому, что его родители и помыслить не могли действовать ради своего чада методами моей мамы. Не тот уровень! Но в Университет он, ясное дело, поступил, несмотря ни на какие свои плохие отметки. А то! Но для того, чтобы у вас не сложилось впечатление, будто одни мы с ним, в то время, глушили водяру под драйвовый «Sex Pistols», пришло время описать компанию наших единомышленников, о которых мы с ним по началу не подозревали, но с которыми пришлось нам познакомиться в Тюменском Государственном Университете. Без них, описание всех дальнейших событий абсолютно немыслимо. Но пусть, уж, о них расскажет сам активнейший участник, Артурка Струков. Лучше, чем он, мне всё равно не рассказать.

«А был ли мальчик?..»

Не радовала осень 1983 года своим и в багрец и в золото одетыми лесами ни Юджина*, ни Лысого** (ныне более известного как Мирон), ни Артурку***. Приближались холода, а они — студенты Университета, не могли найти себе крышу над головой. Верите ли — нет, а только во времена застоя было проще найти водку в любом гастрономе, нежели найти, скажем, квартиру, колбасу, подругу жизни, правду, смысл жизни, в конце концов. Зато, повторяю, была водка, и она отвечала разом на все вопросы и всем запросам. Святые времена!

И наши герои кушали ее каждый день, сегодня там, завтра сям, а послезавтра — на флэту у Тани.

> А у Тани на флэту был старинный граммофон,
> Железная кровать и телефон,
> И больше всех на свете она любила «Роллинг Стоунз»,
> Джанис Джоплин, Т. Рэкс и «Дооpз».
>
> *(по слухам, группа «Крематорий»)*

Ну, у нашей Тани на флэту не было ни телефона, ни граммофона, а зато была отличная кампания, свежие, а главное свои мысли, записи подпольного тогда АКВАРИУМА, знание песен которого служило паролем и лакмусовой бумажкой на

проверку «свой — не свой». Теперь поди ж ты определи, если А. сейчас в моде у мажоров, у лохов и дятлов, да и Боб запел все больше про золотое и голубое. В общем, не тот нынче Боб пошел…

Да, а в те времена застоя или запоя, если хотите, у Тани на флэту все эти «Треугольники», «Синие», «Табу» и проч. крутились во всю мазуту — только шуба заворачивалась! И никуда не охота было уходить. Дело даже не в алкоголе — попав квасить в другую компанию, наши герои тот час начинали себя чувствовать себя не в своей бутылке, ибо повсюду профанировалась прекрасная возможность пис-энд-лова посредством кира. Ибо всюду были просто пьянки, а у Тани на флэту это переросло в нечто большее — эдакий всеобщий подруб.

Тогда Артурка, почувствовав жилу, предложил не трезветь месяц. Сообщество дружно объявило месячник, впоследствии названный «Золотым месяцем». На базе флэта и его постояльцев был основан ДуДуКлаб (часто просто Клаб). Для названия использован текст небезызвестной песенки «Колокольчики-бубенчики ду-ду, А я сегодня на работу не пойду», а члены Клаба по аналогии с дадаистами назвали себя дудуистами. В состав клаба тогда вошли: Таня, Юджин, Артур, Наташа, Жирная, Славик — телемастер. Одни из них учились, другие работали, так что социальный ценз отсутствовал, впрочем также, как и возрастной.

Достопочтенные клабовцы собирались в полном составе где-то к 6-ти часам вечера, ближе к часу «волка» и сбрасывали на журнальный столик все деньги, имевшиеся в наличии. ВСЕ, повторяю, ибо этот факт играет большую роль в становлении и укреплении Клаба, одной из функций которого было обеспечение перманентности процесса алкогольного опьянения. Тем самым клабовцы изжили синдром «нерентабельной скаредности», широко распространенный во всех прочих питейных товариществах. Болезнь эта заключалась в том, что многие собутыльники выкладывая деньги на бухло, нет-нет, да заначат червонец — другой в целях экономии. А ночью эта экономия выходила ему боком: когда пить нечего, а желание догнаться сильнее всех практических соображений, тот же червонец доставался из кармана и вкупе с другими подобными заначкамиb шел на тачку, где водка чудесным образом продавалась, пока государственная торговля отдыхала.

Час волка — 18.00–19.00 — последний час работы винно-

водочных магазинов. Клабу удалось свести подобную порочную практику почти до минимума, а водка покупалась в достаточном количестве в государственных лавках до 19.00 по 5.30 за штуку. Истории Клаба известны замечательные, теперь уже незаслуженно забытые, примеры исключительной оперативности функционеров Юджина и Артурки, приобретавших зелье в последние минуты беспощадного часа волка, покрывавших сотни миль в поисках более дешевого и более сердитого (под дешевым имеется в виду разница между ценами 5.30 и 4.70 — разница весьма ощутимая, нередко складывающаяся в лишний пузырь).

«Причем здесь пес — оставь вопрос,
Спешит к восходу альбатрос»

(Писание от Боба, «Треугольник»)

А надо отметить, «Восход» был тогда дежурным магазином, работал до 22.00, и следовательно, до 22.00 в его штучном отделе можно было взять сухого или коньяка, или даже экзотического рому. «Восход» — единственный казенный представитель, составлял конкуренцию частному бизнесу, и нередко чаша весов склонялась в его пользу при выборе взять ли водку у таксиста за чирик, или же ром в лабазе по более сходной цене.

В «Золотой период» Клабом была разработана программа даже ускорения научно-технического развития, были обсуждены и горячо одобрены и тут же поставлены задачи по дальнейшему совершенствованию стиля и методов работы, были предложены действенные меры по обеспечению научной организации труда. В частности, предлагалось обзавестись электронной системой сбора необходимой информации посредством центрального дисплея, предполагавшегося в штаб-квартире у Тани, на которой подавалась бы инфо о том, например, в каком магазине какое спиртное, основные его характеристики (литроградус, цена), масштабы очереди (очередью тогда называлось 8–10 человек), затем шла бы инфо о флэтах: на каком флэту что пьют, каким количеством народу обходятся при этом, характер кампании, привычки, привязанности. Собрав подобную ценнейшую справку, обработав ее, можно было бы выбрать вариант вечера с заранее запрограммированным успехом, кайфом, лишенным каких бы то ни было обломов,

«A splendid time is guaranteed for all!»

Но Клаб был дитём, достойным своего времени, т. е. эпохи застоя, и потому всем тем добрым помыслам суждено было так и остаться смелыми прожектами.

Продолжение

В наши дни беспокойных, я бы даже сказал, но не скажу революционных перемен, те проекты очень даже могли быть освещены в популярном «Прожекторе перестройки», ну да в связи с указом в них отпала необходимость.

Впрочем, Клаб и без электроники успешно справлялся с задачей собственного снабжения, благодаря широкомасштабной, заслуживающей высокой оценки торговле Спиритуозом. Помимо членов Клаба каждый вечер флэт посещали самые разные люди, причем эдаким неофициальным пригласительным билетом служил принесенный с собой батл* водки. Гости, которым нравилось сие братство, частили сюда, оставались «кандидатами» и скоро вступали в Клаб, другие же чувствовали себя в нем чужими уже через полчаса своего пребывания. Действительно, обстановка, и сам дух (Spirit) были настолько уникальными, что подрубались очень немногие люди. Причем, это зависело ни от интеллекта, ни от эрудиции, ни от социальной принадлежности, ни от возраста. Нет и нет. Скорее требовалась способность и стремление к максимальному пробуждению внутренней анархии, свободы, бесли кому-то не нравится первое слово.

«Нравится, не нравится,
АССА мной не справится!»

(СВИН и АВТОМАТИЧЕСКИЕ УДОВЛЕТВОРИТЕЛИ)

Можно утверждать, что территория Клаба была неприкосновенной территорией некоторого посольства страны Анархии (Свободы), ежели где существует такая. Там уже не действовали законы той страны, в которой находилось сие представительство. Это отнюдь не значит, что там творились беззакония, каннибализм, изнасилования. Дудуисты жили по человеческим законам, но были свободны от навязанных стереотипов мышления, от законов, придуманных на благо всего человечества в целом, но почему-то вредных для того же человечества, взятого по отдельности, по человекам.

Подрубившийся в Клаб делал выбор:

1. если он искал Себя в этом мире, то попав в The DDC, ему оставалось только пройти кандидатскую неделю, ежедневно принося по 1 литру водки, затем вступительный экзамен (полящика) и стать полноправным поху…, т. е. дудуистом, либо

2. если он искал Свое место (репутацию, престиж, должность, кабинет, кресло) в этом мире, то легко поняв опасность искушения исчезал и более в Клабе не появлялся, а дабы укрепить свои пошатнувшиеся убеждения, еще и тешил себя (нападками и распространение злобных слухов)

Как, и любой клуб, то есть, объединение энтузиастов чего-либо, The DDC (вы уж извините их, что по-английски, — Юджин с Артуркой учились тогда на романо-германской филологии, и все от незрелости, привыкли, понимаешь, рок по-английски, субкультура по-английски…) имел некоторые неписаные законы, ибо нет на свете абсолюта, а человеку также свойственно ограничивать себя в свободе, как и стремиться к ней. Просто, сложился ряд условностей, которые помогали существованию. Например, разливом занимался исключительно один человек, да и не человек вовсе, а Артурка, и это было его право, обязанность, привилегия и повинность. В отличие от других, киряли клабовцы, имея большой потенциал Спиритуоза, пили небольшими дозами, тем самым добиваясь перманентной эйфории, этакой алконирваны, т. е. важен был сам процесс.

Существовала стадия всеобщего апофеоза, который был сродни, пожалуй, только сексуальному оргазму, когда вся компания, почувствовав прилив энергии, вполне оправданный после выпитого, прослушанного — как бы подходила к границам вечного и наиострейшего ощущения единства; тут кто-либо восклицал: «Гимн!» и все подхватывали: «Гимн! Гимн!» И под рубящие аккорды артуркиной гитары торжественно и всенародно исполнялись нетленные «Ландыши». И при этом все вокруг — люди, звери, кресла, комната сливалось в один мощный жизнеутверждающий поток и все кружилось, сияло и ваще!

Я не случайно упомянул про зверей. Был один такой — песик — болонка, по имени Мирон. Серый, лохматый, лица почти не видно, как будто небритый мужик, он был подстать утренним обитателям Клаба. Да и зверем ему довелось быть недолго, поскольку вскоре стало ясно, что это Электрический Пес — ну никакая обычная собака не выжили бы долго в такой густо никотизированной среде. И по всем остальным параметрам

Мирон соответствовал Писанию от Боба и смеялся над нами, будучи не занятым вопросом: каким и зачем ему быть.

Клаб отнюдь не замыкался в четырех стенах, нашлось немало энтузиастов, предоставлявших свои стены для различных мероприятий (все различие которых строилось в зависимости от стимулирующей основы: либо питейной, либо сексуальной, причем границы между ними были размыты водкой), но я хочу сказать не это.

«Long Live The DDC» — можно было прочитать в троллейбусах, нацарапанное на замерзших окнах, ибо носители идей Клаба всегда носили их с собой.

Предположим, Юджин, Артурка и Наташа встретились в здании Университета — ну чего только не случалось в те времена! Юджин приехал туда к первой паре, потому как он подымается по утру, следуя той двусмысленной поговорке «… — тому бог дает». Чего он дает и давал ли вообще чего-нибудь Юджину — мы не видели ни разу, скорее всего это происходило по принципу «бог дал — бог взял». Артурка приезжал ко второй половине второй лекции и добросовестно выслушивал ее, пытаясь тем самым заглушить тяжелое чувство вины за свое отсутствие в предыдущие часы (а то и дни). Поистине велики были муки совести, это благородное самоистязание, причем силою своей прямо пропорциональное количеству выпитого накануне. Заглушить это чувство удавалось только по окончании пары, когда Артурка, Юджин, Наташа плюс еще какая-нибудь СО скидывали бабки и шли в Светлячок, магазин, выполнявший свой план преимущественно благодаря высокой сознательности и активной жизненной позиции студентов близлежащего Университета. В полдень, обычно, покупалось для излечения дешевое плодово-ягодное вино, которое недоброжелатели как только не называли — и «бормотуха», и «краска», и «чернила», — но все равно пили. К вину брали рыбу. Говорят, есть целая наука — какое вино к какой пище подавать. Так вот, яблочное у нас подавали к кильке (с ломтиками серого хлеба). Когда все это приобреталось, приносилось в один из приуниверситетских парков и усаживалось на скамеечку, наступала пауза безмолвного торчания***. Слова были излишни. Каждый открывал себе бутылочку и постепенно выливал в себя ее содержимое.

Благотворные изменения были, буквально на лицо, т. е. на всех лицах: остекленевшие до того, как бы замороженные глаза

вдруг оттаивали, в них появлялась теплота и искринка. Согласно законам физики, от нагревания рот расширялся в улыбке. Наконец, достигнув ядра головы — мозгов, оттепель включала — так включают телевизор — деятельность всей нервной системы. Наташа, загадочно молчавшая до того, начинала оживленно выдавать свои откровения из области структурализма; Юджин, прежде извергавший массу ругательств, продолжал поливать ими, но общий смысл их становился более позитивным; Артурка переставал ныть, в молчании остро ощущая свое соитие с Вечностью. Главное — никто никому не навязывал свои интересы, хотя доподлинно известно, что Наташа могла часами судить об Ассоли, Юджин о футболе, а Артурка про рок.

Кстати, последний, выражаясь языком нашей родной сермяжной культуры, «вел при клубе кружок самодеятельности». В его репертуаре помимо «битлов» и «Аквариума» были также свои вещи, носившие откровенно антикультурный характер. Вот, например, песня «Аз есмь бычок»:

Я не супермен,
Я не супермен,
Весь мой мир — диван,
Я курю кальян и не жду
Перемен.
Я не суперстар.
Я не суперстар.
Не люблю трезвон роковых гитар.
Щекочу свой ситар.

Я живу, чтобы жрать,
Я живу, чтобы срать,
Я живу, чтобы пить, Я живу, чтобы быть.
Просто жить да быть
Как «бычок»

Я и есть «бычок»
Аз есмь «бычок»
Все, что я могу — это встать и лечь
На другой бочок.

Я — не человек,
И мне нет нужды
Думать и любить,
Злым ли, добрым быть.

И влачить свой жалкий век.

(Артурка Струков)

Окончание

Мирон (он тогда был лысым) проповедовал идею хитов — однодневок, песен — сюжетов и Артурка штамповал их, только шум стоял. А «Дерьмо» бытовало тогда под таким текстом:

КРУИЗ, АРАКС, ДИНАМИК, КАРНАВАЛ —
Это все дерьмо!
«Верблюды», «Ананасы» и «тоска»,
«Скворцы», самцы, «Гуляки» и Москва —
Это все — дерьмо!
А на черном рынке «Judas Priest» идет за «семь»
И мало кто оспорит, «и Ричи Блэкмор — лидер лучше всех»
И на дискотеках заводные номера —
Это Sweet, Deep Purple, Chilly, Pupo, «Queen e Baccara»
Это все — дерьмо!

(Мирослав Немиров, ВИА, Рок-группа, «новая волна»)

Дабы не рассматривать здесь весь репертуар, будем судить по названиям вещей: «Старенькие джинсы», «Последний бычок», «Ты в пролете как фанера», «I'm Doggie You», многие из которых впоследствии вошли в домотканый альбом мифической группы «Подземка» «На прикупе».

Описывая Клаб, надо отметить активнейшего его члена Телемастера, чей вклад в дело укрепления организации был наиболее весом, будучи подкреплен солидной финансовой базой. Славик — ярчайший представитель славной гильдии вольных телемастеров, окруженный известностью и почетом среди клиентов, всегда был ими щедро одариваем. И надо отдать должное — за дело. Не родился еще на свет, даже не смотря на наше передовое производство, тот телевизор, который бы Слава не смог починить, или хотя бы отправить в цех на капремонт. Забежав вперед, упомяну, что впоследствии Юджин, будучи отчислен с 5-го курса за пьянку в общаге (пострадав за правду, как в ту пору говорили), пошел по стопам Великого Телемастера. Было бы непростительной ошибкой недооценивать и духовный вклад Славика: ведь это он дал Клабу Гимн, это он ввел в лексикон содружества свое замечательное по простоте и

душевной широте «давайте шоркнем», ему мы обязаны рождением несколько чопорного, но в чем-то святого чоканья с «тренером» (бутылка из которой разлит Спиртуоз) и «массажистом» (сосуд с морсом для запивания). Да что там морс, ЖИЗНЬЮ обязаны ему члены Клаба, не раз вырванные им из Цепких лап Синих Быков, Кондратиев Первых, Вторых и прочих.

Одной из ключевых проблем, приведших к упадку Клаба, бесспорно, был женский вопрос, потому что фри лов — фри ловом, а только женская сущность требует свое и хочет она себя обезопасить себя от всех житейских неурядиц на всю оставшуюся жизнь. Помните, один персонаж из повести Курочкина говорил: «Экзистенциализм — философия бездетных», «Мне не хотелось бы вдаваться в „потные подробности обнаженных тел“» (Егор «Джа» Летов — ГРАЖДАНСКАЯ ОБОРОНА) следует только сказать главное — перспектива логического завершения, т. е. полного саморазрушения отпугнула женское начало, запрограммированное самой природой на выживание и продолжение рода.

Через четыре месяца своего существования Клаб, сильно поиздержавшись в финансовом отношении, подточенный амурными неврозами, переварившийся в собственном соку без каких-либо значительных пополнений, извне сходил на нет. В таком состоянии его застал вертолетчик Дима, большой расп… разгильдяй, неизвестно как проникший в нашу доблестную авиацию. Не знаю, как он чувствовал себя там, за облаками, но в клабе он нашел себя сразу, верно прорубив изначальную идею его…, хотя это трудно было узнать в обломках былого величия.

Наевшись рассказов о «золотом периоде» и жалея, что не застал его, крейзюк* Дима возгорелся идеей вернуть рай на эту землю. Былой вертолетчик бросил на это дело все свои ресурсы, как материальные, так и духовные, благо того и другого у него было в излишестве. Но и эти меры не спасли то, что было обречено. Ярким примером тому служит знаменитая дачная эпопея, впоследствии названная

Дача «All Dead»

Это было в день похорон Андропова, по поводу чего Артурка сыграл на флэту у Димы соответствующий марш Шопена в нововолновском стиле, затем была закуплена бутылка водки, хорошо известная как «андроповка» (по 4.70 бутылка — ВотОнДобрыйКакой — Андропов!) и компания в составе 7 человек отправилась в Димином «Москвиче» на димину же дачу. Благополучно объехав партизанскими тропами все посты ГАИ и прибыв на место, дудуисты пытались растопить печь в промерзшем за зиму доме, но тщетно. Тогда было разумно предложено оставить печь отогреваться и безумно предложено поехать кататься. Водку, естественно, (Юджинизм) взяли с собой, а так как на ходу разливать ее по стаканам было накладно, стали делать остановки. А надо вам доложить, папы, дозы тогда доросли до ого-го каких, так что меньше половины граненного за раз не котировалось. А тут еще Дима отказался везти, если ему не будут наливать наравне со всеми и после чисто формальных споров все приняли его сторону. Так, время от времени останавливаясь и оставив на проселочной дороге массу dead soldiers (так Юджин называл отслужившие свое бутылки), смертники выехали на трассу, довольно таки загруженную. Тут Дима вспомнил свои авиационные скорости и спидометр ниже отметки 110–120 км/час не опускался. Безумный водитель напрочь забыл про тормоза, и обгонял, не заботясь о встречном транспорте. Клабовцы, пережив первичный страх, поняли, что «это карма и против нее не попрешь» и с загробным весельем затянули куиновскую, All Dead, All Dead.

Думали ли они о смерти? А мы всегда о ней думаем. И если она придет, то наверняка должна быть именно такой.

Москвич безрассудно врезался в безнадежные вилки при обгонах, яростно рыдая по оторванному на колее глушителю, а Дима, почуяв родной вертолетный вой, тянул руль на себя, искренне надеясь перелететь очередную жертву обгона.

«Друзья, давайте все умрем!
К чему нам жизни трепыханье,
Уж лучше гроба громыханье
И смерти черный водоем».

(писание от Боба. «Акустика»)

Но судьбой, на сей раз, было предложено другое: «Жить и скизских бабочек душить». Новоявленная «Антилопа Гну» свернула на колею к дачам, и тут вертолетчик стал испытывать недостаток пространства, то и дело тыкаясь носом машины в сугробы по обочинам. Разморенная контора нехотя выползала наружу и дружно ставила передок Москвича на узкую дорогу. Дима сначала тоже с готовностью выскочил из салона, но сделав героические два шага, пал, подкошенный алкоголем и напряженной борьбой с баранкой, после чего был освобожден от спасательных работ. Когда въехали, наконец, в дачный городок, Артурка счел своим долгом объявить: «Вот она, финишная прямая!» Окончательно спятивший водитель воспринял это как команду и вдавил акселератор в брюхо машины с таким остервенением, с каким, наверное, сжимают глотку поверженному врагу. И Москвичок на скорости 110 км/час врезался в забор, и все было бы хорошо, если бы не малый угол удара, да амортизация сугробов, зато кончился бензин, и дудуисты вручную проводили машину на заслуженный отдых… Бледный Женя-геолог посетовал на завтрашний экзамен в институте и ушел в город пешком, оставив компанию вшестером.

А они пили в растопленной, наконец, кухне, потом на всех напал беспощадный жор, но жрать было нечего, тогда откопали где-то старую козлиную голову, сварили ее — получилась жирная до блевоты студенистая масса — и ели ее с отвращением, но ели, а потом упали в этой тесной кухоньке, в то время, как большая через стенку пустовала, потому что была большая и не могла прогреться и сосульки на потолке и на стенах упорно не хотели таять, а Артурка пошел спать в машину, но едва откинул сидения, как пришла Ленка, в пьянственном недоумении чего-то хотевшая, но уже не понимавшая чего, и налила полный стакан водки, который они долго предлагали друг другу и, в конце концов, поставили на приборную доску, а Ленка попросила отвезти ее куда-нибудь, и эта идея понравилась Артурке, но помешало завести автомобиль полное отсутствие бензина, тогда Ленка, решив, что справится с этим лучше, включила стартер, и выдержав его в таком положении минуту, окончательно добила аккумулятор, а Артурка повалил ее на сидения и стал раздевать, но было тесно, неловко, и они пошли в дом и легли на диван в той самой комнате со сталагмитами — сталлактитами, где всю ночь на них падала капель, а они вошкались в этой сырости почти до рассвета.

Утром было зябко, во рту — гниль. Юджин пил разведенную зубную пасту, а Славик с Артуром пошли в близлежащее село Боровое, шли туда долго-долго на несгибающихся ногах, как роботы и пришли как раз к обеденному перерыву, и за этот час умерли, но с открытием лабаза закупили 6 бутылок водки, 3 пачки сигарет и буханку хлеба и с тем вернулись в свой стан.

Пили молча, безо всяких эмоций, смеяться не могли, говорить было не о чем, но всех пронизывало какое-то доставляющее мрачное удовлетворение чувство безысходного единства и сознание своей правоты.

Вокруг были безлюдные холодные дачи, безжизненный автомобиль — кусок железа, подкралась еще одна ночь и накрыла отшельников с головой.

Это был апофеоз Клаба, его последняя агония. Оставалось только умереть. И они умерли…

Ранним, само собой хмурым утром, в город въехали марсиане, с недоверием и опаской разглядывавшие снующих туда — сюда людей, серые коробки домов, злобно урчавшие автомобили и их безумные «пуговицы вместо глаз» (Егор Летов) были пришиты вопросом: «Зачем все это?»

Глава 13. Рыжий бунтарь, Немиров

Когда я впервые увидел этого парня, я сразу понял — это нечто особенное. Поинтересовавшись на его счет у некоторых своих друзей, я сделал дальнейший вывод — сумасшедший! Позже, прочитав книгу, Григория Климова, в которой он особо характеризует тип рыжих от природы людей, я составил мнение, что этот человек — гений. Вернее, по-Климову, «гениот», от сочетания двух слов: «гений» и «идиот». Теперь, по прошествию многих лет, я, наконец, могу признаться: я не знаю, кто он такой!

Когда я увидел его впервые, он с трудом ковылял по чугунной лестнице, ведущей на второй этаж университетского корпуса, в котором размещался физический факультет Тюменского Университета. Можно было подумать, что парень страдает каким-нибудь полиомиелитом с детства. Но друзья мне сказали:

— Да нет, ты что? Это же университетская знаменитость, Мирослав Немиров!

— А чем же он так знаменит? — поинтересовался я.

Толкового ответа на этот вопрос я не получил, но выяснил, что этот студент слывет довольно одаренным филологом, а ковыляет он так вот почему. Он, видите ли, в состоянии пянственного недоумения выпал из окна общаги, не менее чем с 4-го этажа и вот, через две недели, уже довольно бодро, хотя и с трудом, ковыляет на второй этаж в актовый зал!

Ну, насчет одаренности в области филологии я тогда судить не мог. А вот живучесть и, правда, потрясающая!

Со студентами филфака, мы физики пересекались редко, и прошло немало времени, пока жизнь столкнула меня с этим «потрясающе живучим гениотом», опять. И на этот раз так, что об этом столкновении лучше бы сказать, что это и не столкновение, а Судьба. Но и столкновение, имело место тоже, ибо оказалось, что если нас сравнить с шарами, то шары мы с ним разнополярные.

Выглядел Мирослав Немиров в ту студенческую пору вот как.

Был он выше среднего роста, худ, угловат. Штаны, и прочая

одежда, висели на нем как на вешалке, и сразу было понятно, что одежда на нем, скорее всего, с чужого плеча. И ещё было понятно, что к одежде, и ко всем прочим атрибутам «homo normalus», этот человек относится с презрением истинного гения. Плюс ко всему, он носил очки, за толстыми линзами которых удивленно таращились практически бесцветные глаза. Его взгляд, обращенный на вас, как бы говорил: «Ну! И что же, вы мне, можете, интересного сказать? Чем меня изволите удивить? Как, ничем?! А что же я тут с вами торчу, как дурак?!».

К тому же, интересной особенностью данного гражданина было то, что при его студенческих, и следовательно, не великих ещё, годах, был он уже изрядно плешив. Итак, в нашем повествовании, появляется новое лицо, своего рода, «герой нашего времени», Мирослав Маратович Немиров. Он же «Мирон». Он же «Лысый». Он же, просто Немиров, без Мирослава, и без Маратовича.

То, что Немиров — поэт, и поэт, блистающий на Университетском небосклоне истинным поэтическим талантом, я тогда не знал. Не знал я и его действительном членстве в DDC клубе. И с прозвищем «Мирон», у меня ассоциировался единственный стишок, вернее частушка:

Как у нашего Мирона
На **ю сидит ворона
Как ворона запоёт
У Мирона, и встает!

Да, в поэзии я был абсолютно не сведущ. Я был сведущ в электронах, позитронах и циклотронах.

А тем временем, в главном корпусе Универа, в туалете на «стене демократии», полным ходом, оказывается, шли поэтические баталии.

Вот что писал в отношении Немирова его коллега по филологии на туалетной стене, некто Павел Азов:

Ах ты, глупый, несчастный
Немиров
Не любят тебя девчонки
Потому, что не слушал
ты «Куина»,

И писун свой позорный,
ты дрочишь!

Не помню точно на память, что именно ответил на подобные эпиграммы Мирон. Но помню, что уничтожающую точку в этой поэтической баталии поставил не он, а некто Юджин, упоминавшийся в главе о деятельности DDC клаба, и в миру известный как Федотов Евгений. Его гениальному перу принадлежит эпиграмма, сразившая Павла Азова наповал:

Прочти, и даже дважды,
Что пишет, сей кретин.
Так сочиняет каждый,
Кто слушал группу «Queen».

Эта победная эпиграмма, кстати, ознаменовала не только победу над Азовым. Это было победа над сторонниками «традиционной» рок-музы и этим утверждался тот факт, что поклонник новой волны, и панк-рока, Юджин, настолько же талантливей, хлестче, ярче и искромётнее, чем Азов, насколько «Sex Pistols» энергичнее, чем «Queen»!

О туалетном стихотворчестве, кстати, можно было бы написать целую книгу, обреченную стать бестселлером. Ибо на туалетных стенах население нашей страны пишет далеко не всегда бездарные пошлости. Попадаются сплошь и рядом пошлости, и не бездарные. Оцените, например, следующее объявление, которое не могло быть помещено в газете по этическим соображениям, и, поэтому, красуется на туалетной стене в тюменской городской поликлинике № 2:

«Тебе двадцать — двадцать пять,
Ты красивая и **ядь
Я готов пройти полсвета
Ради сочного миньета!
Вообщем, завтра, здесь же, в пять.
Наш пароль —
в руках пакеты!»

Глава 14. Вот новый поворот или Машина с евреями

Как — то так, совпало, что как раз когда у меня появились более или менее приличные, хотя и небольшие по мощности, акустические системы, и более-менее качественный усилитель «Одиссей — 002» и катушечный магнитофон «Илеть — 101», вот как раз тогда я впервые и услышал рок-музыку на русском языке. Признаюсь, я был сильно удивлен, что есть, оказывается на свете русскоязычные рок группы, звучание которых не на много хуже, чем у их западных коллег. То есть, разумеется, похуже, но не на много. Не так, как я ожидал!

Первое, что я услышал из русского рока, была группа «Воскресенье». Правда, у меня ещё несколько лет назад имелись выпущенные фирмой «Мелодия» пластинки Давида Тухманова, группы «Аракс», «Зодиак» и «Круиз». Но это все только по форме своей напоминало слушаемый нами тогда западный рок, а по существу являлось разновидностями советской эстрады, слегка загримированными «под Запад».

«Воскресение» и услышанная вслед за ним «Машина Времени» — вот это было уже по уровню не хуже, чем на Западе, уступая зарубежным группам только по части технического воплощения. Но на это, элементарный здравый смысл заставлял делать скидку. Не могло у нас в СССР быть такого технического оснащения как на Западе. Ну, хотя бы просто потому, что не у нас, а именно на Западе возникла и развивалась по пути стилистического и музыкального развития, эта самая, рок-музыка.

Но именно, когда я услышал «Воскресение» и «Машину», я понял: может быть настоящая, серьёзная рок-музыка на русском языке, и, следовательно, эта музыкальная форма может быть применена для выражения идей специфически русских, национальных. Следовательно, рок-музыка на русском языке могла бы стать специфическим «языком общения», на котором молодежь СССР могла бы говорить друг с другом без партийной цензуры, правдиво и «откровенно», как это и свойственно молодому поколению, не приобретшему ещё «взрослого» лицемерия, ханжества и прочих «двойных стандартов» советской морали.

От подобных перспектив начинала кружиться голова.

Была даже шальная мысль, послать куда подальше весь «западный рок» и сосредоточить усилия на поисках записей отечественных рок-групп. Мысль эту пришлось оставить, исключительно потому, что довольно скоро выяснилось, что подобного уровня отечественных групп раз, два и обчелся. И если, «послать подальше западный рок», то фонотеку свою пришлось бы ограничить десятком магнитофонных бобин.

Ну, а причем тут «Машина с евреями», спросите вы? Тут просто дело в том, что в нынешнем, 2002–2003 году смотрел я передачу «Смак» по телевизору, которую ведет лидер знаменитой русскоязычной рок группы «Машина Времени», Андрей Макаревич. В передаче этой вместе с Андреем участвовала вокалистка группы «Маша и Медведи». И вот, она рассказывает (одновременно готовя какой-то салат), что группу её, хотели поначалу назвать так, чтоб было созвучно с «Машиной Времени», а именно «Машино Время». Ну а Андрей Макаревич оценив юмор, рассказал, что их группу «Машина Времени», тоже был в своё время план назвать «Машина с евреями». Насколько это название соответствует составу, можете сами судить по следующей фотографии.

В «своё время» — это как раз примерно в то время, когда я эту группу услышал. Так что, если бы я в «то время» обратил внимание на тот факт, что столь яркий и талантливый образец «русского рока» являет собой столь сомнительно-русская, по своему составу, группа, то, вполне возможно, мой пыл по отношению к русскоязычному року поостыл бы. И на головокружительные перспективы «русского рока» я бы взглянул более трезвым взглядом. Ну так ведь, опять-таки, куда там! Спаивали, ведь, нашего брата! Откуда этому трезвому взгляду было взяться?!

На тюменской меняле, впрочем, имелось достаточно трезвых голов, не верящих в блестящие перспективы «русского рока», ни на йоту. Они объясняли свой скепсис довольно просто:

— Когда там ещё отечественные группы выйдут на такой уровень технического воплощения рок музыки, каковой сплошь и рядом демонстрируют «киты» западной рок сцены! Да и выйдут ли?

— Вся необходимая для этого студийная и концертная

аппаратура попадает к нам в страну с Запада. И это отнюдь не последние достижения технической мысли. Последние достижения все равно достанутся музыкантам живущим и работающим на Западе. И они ими воспользуются раньше и эффективнее.

Что ж, резонно. И все-таки, хотелось на что-то надеяться. На чудо, что ли? На природную выдумку и русскую смекалку. На особый, не зависящий от технических чудес путь развития отечественной рок-музыки.

Правда, при этом, я ещё не задавался вопросом: а хочет ли всего этого «развития рок-музыки в России» Господь Бог? Или может ему всё равно?

Ой, ли?!

Но, со временем, я понял. У Господа Бога есть «свои планы», отличные от планов людей. И есть огромная разница в том, чего хочет Бог, и чего жаждут люди. Но иногда мне в голову приходят некоторые утешительные мысли и я прихожу к выводу, что, во-первых, Господу до всего есть дело в сотворенном им мироздании, а во-вторых, он достаточно всемогущ, чтобы соединить свои планы с желаниями людей. Впрочем, для подобных откровений я ещё молод и глуп. Так что на этом умолкаю и заканчиваю эту главу.

Глава 15. Клуб любителей музыки

И вот как-то раз, уж не припомню при каких обстоятельствах, сообщил мне Юрий неожиданную новость. Оказывается в недрах Университета организуется клуб, где можно будет общаться и обмениваться впечатлениями с такими же, как мы с ним, «белыми воронами», сиречь с людьми, которых угораздило подобно нам увлечься «punk-роком» и «новой волной».

Ну, я же уже говорил, все люди как люди, нормальненько послушивают старые добрые рок-раритеты, или хэви-металл, на худой конец, и помышляют при этом об учебе, карьере и прочем жизненном росте, и социальных ориентирах. А мы с Юркой, как дураки, врубились в этот самый punk-рок и помышляем невесть о чем, чуть ли не о панк-революции. Диссиденты, одним словом. Припоминаю, как два моих бывших соученика по 21-й школе, желали мне тогда всяческого добра и уговаривали:

— Рома, ну зачем тебе это все надо? Будь ты нормальным пацаном. И все у тебя будет в жизни ништяк!

— Эх, надо было их послушать.

Оказалось, значит, что? Оказалось, что этот самый Мирон, явился в студенческий профком, к товарищу Турову (классный, кстати, был чувак!) и ну ему расписывать. Как, мол, было бы хорошо, если бы был в Университете еще такой вот клуб, «Клуб любителей музыки»! Насчет слова «рок», Туров его, кстати, сразу обрубил: никакого рока!

— Ты, че, хочешь, чтобы меня с работы выгнали?

— Ладно! — тут же не спорит с ним Немиров (Мирон, то есть), никакого рока! Само собой! Просто, будем пропагандировать и в народ толкать «современную музыку», ну и параллельно разъяснять народу, что такое хорошо, а что такое параша.

А почему он к Турову именно пошел, а не к кому-нибудь другому? А вот тут и обнаруживается, что за всем этим скрывается Юрий Шаповалов, который с оным Туровым не раз уже бухал. А что вы думаете, в нашем государстве, в советские времена вопросы внешней политики ЦК КПСС решались за

бутылочкой, а не то, что быть или не быть какому-то там клубу!

И ежели, скажем, Юрка с оным Туровым вместе выпивали, то направленный к нему Юркой Мирон, заранее мог быть уверен. В ажуре это дело будет, в полнейшем.

Ну, хорошо, а на хрена, спрашивается Немирову весь этот клуб, вместе с пропагандой современной музыки, будь она не ладна? Да очень даже просто, зачем. Ему жить, оказывается было негде! А тут, если клуб организуется, сразу тебе:

1. Помещение

2. Ставочка (ну или хотя бы пол-ставочки, что тоже хорошо)

3. Аппаратура, которую, значит, самому покупать не надо.

Короче говоря, живи да радуйся! Синекура, короче!

А что же тогда еще такое, спрашивается, наша жизнь, как не череда мытарств в поисках синекуры? Только одни ее, синюю эту курицу, еще при жизни поймать хотят, а другие, обратно надеются, на то что она после смерти явится. А так, в общем, разницы никакой.

Эх, кабы знал, товарищ университетский начальник студенческого профкома, что из этого всего получится! Ну и дал бы Немирову, все вышеперечисленное. Пускай бы он в этом «клубе» жил, получал рубликов по 70 в месяц и наслаждался бы в компании с Юркой Шаповаловым современной музыкой, запивая ее вином «Огненный танец». И все! И оппаньки!

Да, но в жизни так не бывает. Бюрократия кругом, рутина и острая необходимость отчетных мероприятий. Вот это-то все и губит.

Юрка уже вовсю потирает руки:

— Нормально, Немирыч! Помещение дают. Ставочку тоже обещают, аппаратуру подкинут! Народ бухла притащит. А мы — начальство, значит, сначала нам наливать, а потом уже насчет авангардной музыки просвящаться. А мы им The PoLice вкупе со Стренглерзом врубим: пущай удивляются! Где они еще такое услышат?!

Короче, всем хорошо. Мне тоже. Меня из-за этой «новой музыки» истерическая соседка снизу задолбала просто. До милиции и штрафов дошло. А тут, то же самое — кино, вино и домино, только в рамках клубного мероприятия, в стенах родной, университетской общаги.

Нормально!

И началась на 5-ом этаже общежития Тюменского Государственного Университета веселая жизнь с музыкой и вином.

Вот что я увидел, посетив одно из первых мероприятий клуба.

Комната, в которой начал свою работу «клуб любителей музыки», была около 30 квадратных метров, имела грязный, весь в окурках и заплеванный пол и голые стены. Посреди этой комнаты, на полу лежал старый сломанный, без ножек, диван — единственный, по-видимому, имевшийся у Немирова предмет домашней обстановки. На этом диване возлежал в позе римлянина Мирон и комкая в непослушных пальцах потухший окурок «Примы» что-то такое вещал о том, что такое музыкальный авангард и что, по поводу настоящей музыки, которую надо слушать, у нас тут никто не врубается. И вообще, нигде, никто не врубается!

При этом, Немиров, все время тер слезящиеся под очками глаза и говорил, что даже в хвалёной Америке продвинутых чуваков — раз-два и обчелся. Ну, Аллен Чинзбург, какой-нибудь, или Энди Уорхал, да Маркузе с Эрихом Фроммом, а так, в основном, козлы одни кругом. Всеобщий невруб, короче.

Время от времени врубался катушечный магнитофон «Нота» и под одобрительные пассы Юрки Шаповалова помещение оглашалось «нормальной музыкой», той, что «еще можно слушать».

Юрка Шаповалов млел. Вот он тоже, давно догадывался, что никто не врубается. А Немиров, он вона какой молодец, хорошо излагает.

Было лето. Окно на пятом этаже общаги было открыто настеж. Подоконника оно не имело и кто-то, по-пьяни, из него

уже вывалился, кажется, наружу. И я подумал, что вот так же, наверное, Немиров выпал из окна и в прошлый раз, когда он ковылял с поврежденным позвоночником на второй этаж физкорпуса, и когда я его впервые и увидал.

Глава 16. Первая панк-рок дискотека

Ну, так вот. Все бы так мероприятия клуба и протекали. Звучал бы The Clash, The PoLice, али Лу Рид, пилось бы красненькое, и звучали бы зажигательные немировские речи. Да вот беда, клуб этот в университетском профкоме по бумагам был прописан. Официальное, стало быть, образование, самостоятельная культурная единица. Значит, что? Значит, работа должна вестись и результат должон у ей быть. А то, как же? У Турова его начальство отчета требует. Клуб создан, помещение занимает, магнитофон эксплуатирует. Результаты должны быть. А потом, что же это за аппаратурная база — раздолбанная, какая-то «Нота-202». Надо чтобы аппаратуру посерьезнее выделяли. А подо что ее, спрашивается, выделять, под пламенные немировские речи, что ли?

Значит, нужно мероприятие, а то по Универу ползут какие-то противоречивые слухи, что на 5-ом этаже общаги чертовщина какая-то завелась. За закрытыми дверями творится невесть что такое. Гремит чумовая, какая-то музыка, и люди из окон вываливаются.

Сумашедший дом, какой-то!

Чтобы рассеять мрак народной подозрительности и явить себя студенческой общественности как положительный пример, решено было провести открытое мероприятие для студентов, с музыкой и танцами, и как-нибудь заставить народ танцевать не под диско, а под «новую волну».

За подготовку музыкальной части запланированного вечера смело взялись отцы-основатели клуба: Юрий Шаповалов и Мирослав Немиров.

В клубных кругах Юрка получил прозвище «Шапа», от своей фамилии Шаповалов.

Так вот, именно на базе шапиной домашней аппаратуры и за счет раздобытых им у друзей — коллекционеров пластинок и предполагалось записать самые «убойные» боевики нью-вейвовских групп, чем произвести неслыханный фурор среди малопросвященной студенческой аудитории.

Шапа с Немировым засели в юркиной квартире на улице Водопроводной, в Юркиной же комнате, окна которой выходили во двор. Через открытую балконную дверь (а в его квартире имелось два балкона и одна лоджия, киевский проект, как никак!) наружу неслись мелодии и ритмы «нью-вейвовских» рок-групп. Программа получалась просто супер, тут тебе и The PoLice, и The Clash и, кажется, даже Soft Cell и прочее многое такое, что сейчас уж и не припомнить, ну «Madness», какой-нибудь, или же «Talking Heads», не знаю, не буду врать, так как я до процесса подготовки допущен не был. Но я был очень удивлен, когда в то самое время, когда Шапе с Немировым надлежало быть в самом разгаре записи, я их встретил на улице Мельникайте, в двух шагах от помещения клуба.

Оба они были изрядно взъерошены, напуганы даже, и лишь пузырь красного «Огненного Танца» позволил им несколько поуспокоиться. И вот что они мне поведали.

В самый разгар записи этой первой, триумфальной программы, в квартиру на улице Водопроводной, неожиданно нагрянул шапин папа. О том, что был он немалый начальник, я уже упоминал, но к описываемому моменту времени, работал он уже ни много, ни мало, первым секретарем Тюменского горкома КПСС! Это вы можете себе представить, что такое, в советский период, были горкомы и обкомы КПСС, и какую роль они играли. Шапин папа был, во-первых, нетрезв, а во-вторых, в отвратительном настроении. И именно потому, что буквально только что выслушал язвительное замечание от первого секретаря Тюменского обкома, Геннадия Павловича Богомякова по поводу странных увлечений Юрки Шаповалова, то бишь, Шаповалова-младшего какой-то рок-чертовщиной. Контора Глубокого Бурения работала не покладая рук и вовремя информировала партийное руководство, если их отпрыски начинали не в меру шалить, да еще в таком, идеологическо-сомнительном направлении.

И вот как раз после «дружеской», «товарищеской» «накачки», от которой попахивало угрозой партийной карьере Шаповалова-старшего, последний и переступил порог собственной квартиры. Что же он видит? Он видит, что все, о чем только что сигнализировал тов. Богомяков имеет место как реальный факт, и упомянутая рок-чертовщина творится в его собственной, горкомовской квартире, и под руководством какого-то рыжего нигилиста, разночинца и провозвестника буржуазной заразы. Я имею ввиду Немирова.

— Это кто?! Твой руководитель?! — буквально с порога взревел Шаповалов-старший, — и ринулся на Немирова.

Почуяв опасность, Мирон бросился бежать и сиганул с балкона, с третьего этажа на козырек подъезда. Юрка Шаповалов смело вступил в неравный бой с разъяренным до бешенства отцом, чтобы дать Немирову, по крайней мере, удрать. Не поймав, таким образом, Немирова, Шаповалов-старший обрушил свой праведный гнев на орудие Юркиного с Немировым труда.

Он схватил магнитофон «Юпитер—202» за ручку, имевшуюся на верхней панели, и начал с размаху гвоздить этим «Юпитером» по всей остальной аппаратурной части. Бедный Юрка изо всех сил старался спасти хоть часть виниловых дисков, большинство из которых были чужими, но многие из них, безвозвратно разлетелись вдребезги под мощными ударами «Юпитера».

Вот! Вот как был подан замечательный пример активной борьбы с буржуазной рокенрольной заразой, кипящим от праведного гнева шапиным отцом!

Тем временем Юрке, все ж таки, удалось вытеснить разбушевавшегося родителя в коридор. И там произошел второй акт этой драмы. Зараженный рокенрольной чумой сын поднял руку на родного отца! Папа получил от сына довольно плотную, сшибающую с ног, боковуху или хук справа. Воспользовавшись произведенным нокаутом, Шапа стал лихорадочно собирать чудом уцелевшие диски, но видно замешкался, потому что в это время отец очухался и нашарив в чулане сувенирный, инкрустированный и острый как бритва топорик, снова ринулся в бой. Бой закипел с новой силой, и уже не на шутку запахло летальным исходом.

Каким-то чудом удалось Юрке вырваться из этого адского вихря, в котором его отец рубал в щепы акустические системы, и вместе с поджидавшим его неподалеку от дома Немировым, отцы-основатели кинулись прочь от страшного места.

Все что я услышал от них буквально через 20 минут после битвы, на улице Мельникайте, меня потрясло.

— Блин, — нервничал Шапа, — у него там между прочим, винтовка пятизарядная имеется. Как бы он сюда не бросился, в

погоню.

Но время шло, мы пили вино в помещении клуба, Шапин папа не появлялся и все стали понемногу успокаиваться. Так вот, я, из дружеской солидарности, тоже стал отцом-основателем и возник некий триумвират. Мне трудно было не оценить риск и героизм моих друзей, которые выдержали только что первый открытый бой в разворачивающемся противостоянии: КГБ-РОК, РОК-КГБ.

Через несколько дней, обещанная дискотека все же состоялась в коридоре общежития, рядом с помещением клуба. Никакого ожидающегося фурора она не произвела. Привыкшие к Баккаре, Тото Кутуньям и Бони Эмам студенты на замысловатые ньювейвовские пассажи реагировали вяло и все ждали, когда же включат что-нибудь такое, подо что они уже так привыкли весело прыгать и дергать ягодицами. Немиров, какое-то время выражал восторг и подавал пример, как именно надо дергать ягодицами под такую вот, оригинальную музыку, но потом это ему надоело и он занялся делом — употреблением красненького.

Так, собственно, и прошел этот музыкальный вечер.

Глава 17. Женщины рок-н-ролла

А зачем он нам вообще был нужен, это рок-н-ролл, частенько задумываюсь я. И прихожу к однозначному и малоутешительному выводу. Весь этот рок-н-ролл играет, в сущности, ту же роль, что и весенние трели соловья, токование глухаря и брачные игры прочих братьев наших меньших.

Ошибались сотрудники Тюменского УКГБ, когда уверяли нашего общего знакомого, тов. Мандрику, что на 5 этаже универовской общаги, под шумовой завесой рок-музыки, процветает гомосексуализм!

Этим дядям, вообще, почему-то везде, подозрительно навязчиво мерещился гомосексуализм. У них, прямо, наваждение какое-то, какая-то идея-фикс, просто.

Они и крапивинских «мальчиков со шпагами», объединившихся некогда в отряд «Легенда», тоже ликвидировали в Свердловске именно по обвинению в гомосексуализме. Они, правда, не утверждали, кажется, что известный писатель Крапивин, грешил таким образом, со своими романтически настроенными воспитанниками. Но вот, то, что эти «мальчики со шпагами», в «тени каравелл» занимаются именно гомосексуализмом, на этом дяди из КГБ стояли твердо. Доказательная фабула при этом была примерно такая:

— Ну, скажите, а чем же, по-вашему, они там занимаются? Что не знаете? А мы знаем! Гомосексуализмом, разумеется!

— Да, нет же! — успокаивал тюменских кэгэбэшников, тов. Мадрика. — Да, с бабами они там нормально валандаются, с бабами! Не пахнет там гомосексуализмом.

Но ему, все равно, не верили.

— Ну, может и с бабами, а все ж там без гомосексуализма не обходится.

— Ну, помилуйте! Но ведь, если с бабами, то какая, в сущности, разница, гомосексуализм у них там, или нет!?

— Ну это, как посмотреть! Все равно, оно как-то не по-

нашему, не по-советски.

А им бы просто обратить внимание на тех женщин, которые примкнули к нашему музыкальному сообществу, приглядеться бы к ним по внимательнее, и сразу стало бы ясно. Ну на хрена нам, при таких подругах нужен гомосексуализм?

Что же это были за женщины? О, это были прекраснейшие из женщин! Не какие-то там пустышки-побрякушки, каковых множество среди женского пола, и каковые годятся только для деторождения или профсоюза. Это были женщины трагических судеб, каждая из которых узнала уже в этой жизни и любовь, и горе.

Первой среди них, волей-неволей, придется упомянуть Гузель Салаватову. Гузель по национальности башкирка. Во всяком случае, она на этом неоднократно настаивала. В Тюмень она приехала из Нижневартовска. К моменту поступления в ТГУ, ей было уже далеко за 20-ть. То есть, она поступила в университет, на факультет филологии не 18-летней школьницей, а уже взрослым, практически сформировавшимся человеком. Она была небольшого роста, «маломерочка», как это у нас называют, и при этом довольно полновата. Полнота ее, впрочем, компенсировалась восточной миловидностью, общительностью и огромной коммуникативной проникаемостью.

Именно она с первых дней основания клуба взяла на себя роль «специалиста по связям с общественностью», стала правой рукой Немирова и по сей день является его верной подругой и женой. Вообще, верность и привязанность восточных женщин достойна восхищения. Гузель довольно быстро избавила Немирова и Шапу от общения с универовским начальством по текущим клубным делам. И с тех пор она на несколько лет стала комиссаром тюменского рок-н-рола.

Женщины редко являются генераторами идей и источниками огня, практически, никогда не являются. Но есть женщины, и Гузель из их числа, которые раз загоревшись идеей, остаются верными этой идеи чуть ли не до гробовой доски. Я абсолютно уверен, что идеологически ветреный и капризный Немииров давно бы бросил свои подрывные, рок-н-рольные устремления, если бы не Гузель. Она как стабилизирующий фактор, как хвостовое оперение самолета, заставляла Немирова многие годы лететь взятым курсом.

Второй жемчужиной в клубной короне рок-н-рольных принцесс была несравненная Анка Максименкова. В отличие от Гузель, она ни в какие клубные дела не лезла, а являла собой то, что и положено являть красивой, я бы даже сказал, шикарно красивой, бабе. Она сияла своей красотой, излучала из своих прекрасных глаз лучистое тепло и готова была танцевать под нашу панк-рок-экзотику хоть до упада. При одном условии: она должна быть центром мужского почитания! Ну, так она им и была! Роста Анна богатырского и такого же телосложения. Ну, из тех, что коня на скаку остановят. Но самое главное, что меня в ней потрясло — это ее запах! Мы все пахнем, и пахнем по-разному. Если смыть с нас импортный одеколон или духи, то обнаружится наш природный, как правило, уникальный, запах. От Ани Максименковой пахло парным молоком, (а может даже и сгущенным) и полевым клевером. Все, разумеется, в нее, время от времени были влюблены. А я может даже и сильнее всех. И всех она впоследствии, по очереди, привлекла к себе, чтобы потом отвергнуть. Уж такая, уж судьба у подобных изнывающих от собственной красоты и силы, женщин — они ничьи! Никто из нас не достоин, чтобы бы обладать ими постоянно. Да уж! Перевелись богатыри на Руси! А вот их подруги, все еще живы. И мучаются, теперь, в одиночестве.

Третьей рок-принцессой была Вероника Филлипюк. Как она попала в нашу компанию? Трудно вспомнить. Почему? Совершенно, не возможно определить. Она и не училась в университете. Она училась на нефтяника. Как и Гузель, небольшого росточка, но стройная, миниатюрная, симпатичная. Все время с фотоаппаратом. Может ее «кэгэбэшники» подослали? Не знаю. Но благодаря ей, практически вся деятельность нашего музыкального сообщества имеется в виде фотодокументов.

У нее маленькие глазки и тонкие, нежные руки.

А что она хотела найти среди нас? На этот вопрос лучше всего ответили бы, эти самые, «тюменские кэгэбэшники».

— Мужа себе ищет!

Ну и правильно. И, кстати, нашла, и родила довольно боевого пацана.

Принцесса № 4. Девушка по прозвищу Боливар. С ней связана

коронная фраза из кинофильма, поставленного по рассказам писателя О. Генри: «Боливар не вынесет двоих!»

Настоящего имени этой рок-принцессы я не помню. Но это была абсолютно сексапильная девица, с манерой поведения и телом будущей валютной проститутки. Кажется, она ею со временем и стала. Она появилась в клубе благодаря мимолетной влюбленности в Юрку Шаповалова, который к этому времени расцвел в черноволосого, высокого красавца, с фигурой атлета и флюидами крутого самца. Так что, благодаря его мужским чарам, в клубе то и дело появлялись довольно смазливые девицы. Впрочем, всех их и не упомнишь. Боливар же мне запомнилась своей непосредственностью, Когда впоследствии, Юрка объявил ей, что уходит в армию и потребовал публичного обещания:

— Ты меня ждать-то будешь? — спросил ее Юрка.

— Она рассмеялась и ответила:

— Нет! А зачем!?

Что еще написать об этих прекрасных женщинах? Ничего более не напишу.

Итак уже слишком много написал. А про женщин нельзя слишком много писать. Они должны оставаться загадкой. Если эта загадка будет разгадана, мир рухнет, история закончится, род человеческий прекратит свое существование. А разве это хорошо? Вовсе это не хорошо!

Подруженьки! Милые мои! Я всю свою жизнь только и делаю, что люблю, люблю и обожаю вашу нежность и красоту, а ваш запах! Да, да, этот ваш несравненный запах! Запах упавших на землю звезд.

Глава 18. Молодая поросль

Это было летом 1985 года. Началась студенческая практика. Мирослав Маратович Немиров отправился проходить эту практику, как и все студенты его факультета, в одну из тюменских школ. Догадайтесь, чему он там учил подрастающее поколение? Ну, конечно, тому же самому. Тому, что Маркузе — это крутота! Что Sex Pistols — это крутота! А почему этого почти никто не понимает? Дятлы все! Никто не врубается. От таких неслыханных речей у молодого поколения стали удивленно таращиться глаза и некоторым захотелось поскорей узнать, что же надо делать, чтобы не быть дятлами и «врубаться».

После Немировской школьной практики в помещении клуба стали появляться какие-то безусые юнцы. Кое-кто повертевшись, сразу исчезал, но были и такие, что заинтересовались новыми идеями не на шутку.

Одним из таких, заинтересованных, был молодой человек, ученик 8-го класса, Аркадий Кузнецов. Очарованный пламенными речами отца-основателя, он стал приходить на заседания клуба и пристал к Немирову с Шапой, как с ножом к горлу. Дайте послушать этот неслыханный в своей крутоте punk-rock, а то не отстану. Исключительно, чтобы юноша отстал и не мешал правильному усвоению «Огненного Танца», ему была вручена старая пленка, с записью группы The Police. Никакого отношения эта группа к punk-rocky, ясное дело, не имела, но под рукой больше ничего не оказалось. Поэтому парню сунули этот The Police и сказали:

— Ну, давай, иди с Богом, слушай. Потом придешь, расскажешь.

Ну дали и забыли.

Но через некоторое время, паренек является опять и говорит:

— Я вот послушал.

— Ну, и!?

— Ну, и вот! Я все понял!

— Что ты понял?

— Как надо этот punk-rock на гитаре играть!

Вот те на! Надо сказать, что на гитарах мы играть совсем не собирались. Мы собирались пить «Огненный Танец» под веселую музыку, в обществе красивых девиц. А тут получалось, что деятельность клуба, начинает приобретать какое-то новое, и возможно, весьма опасное направление. Но делать было нечего. Паренек был по-своему прав. Мы, как организаторы клуба, обязаны были уделить ему внимание, а уж коли пропаганда современной музыки привела к подобным результатам, то что делать-то, затем и клуб создавался. Работа должна вестись. Нельзя было паренька послать куда подальше. Поэтому пришлось его выслушать. То, что он выдал, наслушавшись группы The Police, было просто удивительно:

Мой папа — строитель
А мама — монтер
И сам я, как провод
И очень хитер. Ублюдок!
Припев:
В правительстве ублюдки
Кругом одни ублюдки,
И сами мы — ублюдки. Ие!

(Аркадий Кузнецов, поба пера)

Все стали краснеть. Кто от чего. Кому-то стало плохо. Немиров, от того, что заорал: «Крутота!» Шапа от удовольствия. Я от злости, что теперь наша привычная, беззаботная жизнь, точно кончится и вместо красивых девиц, вина и заграничной музыки, придется слушать доморощенный punk-rock-понос таких вот, Аркаш!

Шапа, загоревшись Немировской идеей, привлекать в клуб молодые кадры, притащил с собой своего знакомого, аркашиного одногодка, Игоря Жевтуна. С семьей Шаповаловых, семья Жевтунов давненько дружила, а у старшего брата, Геннадия, Шапа постоянно пасся в поисках музыкальных новинок. Имея такого брата, как Гена Жевтун, у которого импортной пластмассы были целые стопы, Игорь Жевтун, впитал эту музыкальную культуру, что называется с молодых ногтей. И, к тому же, оказалось, что он уделяет игре на гитаре не просто свободное

время, а просто таки, серьезно, по несколько часов в день, учится игре на этом инструменте. Вот такие кадры, из племени молодого-незнакомого стали подбираться в клуб любителей музыки.

Был еще один молодой энтузиаст, по прозвищу Пендуюй, окрещенный меткой Анкой Максименковой «пердуюем», но он как-то не прижился. Вот так начался процесс, который и привел нас в последствии, с одной стороны к триумфу и известности, а с другой — к краху нашей размеренно-развеселой жизни, с кином, вином и домином.

В недрах клуба стала возникать музыкальная группа, творческий, так сказать коллектив. И первым творческим тандемом явилась пара Аркаша Кузнецов — Игорь Жевтун. Ну а мы из отцов-основателей стали превращаться в массовку. Эх! Говорил я! На хер все это надо?!

Параллельно этому процессу стали возникать разногласия. Оформился тандем консерваторов — я и Костя Пахомов решительно выступали против этих новых и сомнительных форм клубной деятельности. Шапа с Немировым объявили нас с Пахомом реакционерами и начали усиленно подбивать молодую поросль, ни хрена не бояться, а брать в руки гитары и наяривать панкуху. Тщетно мы с Пахомом предупреждали о гибельных последствиях деятельности этой молодежи, упирая на то, что при нашем, процветавшем в клубе пьянстве, если дело выйдет за пределы внутриклубных мероприятий, нас попросту могут обвинить в спаивании малолетних.

Немиров орал, что мы с Костей ренегаты и «клубные карлы каутские». Шапа его горячо поддерживал, и Маратович даже бросался на меня с молотком, который к клубному оборудованию, никак не относился, и непонятно было, где он его взял.

Ну, что ж, как в таких случаях говорится собаки (в данном случае, мы с Пахомом) лают, а караван идет. Не взирая, на наши с Костей возражения, творческий процесс среди клубной молодежи продолжался. И, в тайне от нас с Пахомом уже шли репетиции первого клубного рок-бэнда. Репетиции увенчались возникновением музыкального коллектива, который предпринял попытку записи первого в истории тюменского панк-рок альбома.

Для записи альбома был привлечен наш общий друг Игорь Кукарский, который заведовал тогда кабинетом ТСО (технические средства обучения). Вот в этом-то кабинете, где в изобилии водились всяческие магнитофоны и микрофоны, и был записан первый альбом, первой тюменской панк-рок-команды, для которой Немиров подарил название от своего стихотворения «Инструкция по выживанию». Вот текст этого, безусловно далеко не бездарного стихотворения.

Нужны несчастья, чтобы чувствовать,
что ты живой,
Что ты живой, что значит можешь
быть убит
Что все, что тебе нужно, нужно
здесь и сейчас
Ведь все, чего нет у тебя
Нет здесь и сейчас.
Нужны несчастья, чтобы чувствовать,
что ты живой,
Что ты живой, что значит должен быть
любимым
Что ежели хочешь выжить,
значит должен быть кто-нибудь
Кому бы ты мог делать это
в подарок.

(Мирослав Немиров, Инструкция по Выживанию)

Вот собственно и вся «Инструкция по выживанию» человека в этом мире. В сущности, ничего нового. Еще одна констатация известного издревне факта, что человеку нужен человек.

Но сказано при этом гениально! Ведь, по-моему, гений, это, как раз, тот, кто не стесняется повторять известные истины снова и снова. Но с таким видом, словно изрекает их впервые. А что, Христос говорил иудеям что-либо принципиально новое? Они, что, до него не знали о том, что он им говорил? Прекрасно знали! Беда не в этом. Беда в том, что между словом «знать» и словом «делать» лежит пропасть.

Глава 19. Как мы с Юркой Шаповаловым панковали

Однажды решили мы с Юркой, что хватит ото всех скрывать свои панковские устремления, надо, наконец, показать окружающим, кто мы есть на самом деле. Приходит, значит, Юрка ко мне домой. А я к тому времени с матерью своей разъехался и жил себе-поживал в отдельной однокомнатной «хрущевке» около кинотеатра «Космос».

В этой моей квартире, на первом этаже, по адресу: ул. Рижская д. 58, и протекала добрая половина рок-деятельности тюменской панк-тусовки, и именно эту квартиру, впоследствии, впервые оказавшись в Тюмени, посещали такие известные теперь люди, как Яна Дягилева, Егор Летов и Ник Рокнролл.

Так вот, приперся ко мне на этот флэт как-то Юрка Шаповалов, весь из себя в панк-прикиде. Ну, то есть джинсы рваные, там, булавки везде, майка вся в дырах и тому подобное.

— Все, — говорит, — Ромаха! Хватит конспирироваться! Айда в таком виде по городу ходить и народ эпатировать!

— Как это — эпатировать?! — не понял я.

— Да ладно, че там не понял, одевайся так же, как я, напьемся и пойдем по городу шляться, и к прохожим будем приставать. В Лондоне так все панки делают.

А у меня никакого такого прикида-то и нету! Вот ведь, батюшки! Не стану ж я новые совсем еще штаны специально рвать и булавками их пришпиливать. А потом что? Это Юрке хорошо, у него всякого ношенного-переношенного барахла в его горкомовской хате — пруд пруди. Но у него, при этом, и новых шмоток фирменных вдоволь. Понятное дело. Базы-то тюменские на что?! А мне что делать? Ну, раскопал я какие-то старые, рваные черные трико, с отвисшими коленями, поразорвал их еще немного, а на верх-то что? Ах, ты, батюшки!

А Юрка торопит и надо мной потешается:

— Ну, какой из тебя, Ромаха, панк?

Ладно, думаю, посмотрим еще, кто там панк, а кто не панк. А я не так давно купил себе белое кимоно, для спортивных тренировок по каратэ. Но тренировки как-то не задались. На четвертой или пятой этой тренировке мне чуть ребро не сломали каратисты эти хреновы. Так что я с тренировками пока что завязал, а кимоно осталось. Взял я это кимоно и нарисовал на спине черной краской большой знак «пацифик».

Я тогда еще не знал, что надо значок «Анархии» рисовать, поэтому нарисовал вот «пацифик». Ну, вот, оделся я во все это, вмазали мы с Юркой еще по пол-пузыря, и пошли на остановку у кинотеатра «Космос». А куда идти? Юрка говорит:

— Поехали, что-ли, ко мне домой. Это от меня через 4 троллейбусных остановки.

Ну сели мы в автобус, едем, всем своим видом эпатируем народ в автобусе. Народ, правда, удивляется. Это откудова такие черти расписные тут взялись и чего им тут надо? Бабки на нас глаза таращат, девки прыскают, мужики неодобрительно молчат. Ну, едем. Тут заходит в автобус какое-то полууголовное шпанье и видит, что весь народ на наш счет презрительно негодует, начинают они за нас вступаться и на этот народ наезжать. Дескать, а че вы, воронье гунявое, от этих пацанов хотите? Они, может, как мы, в «отрицалове». А вам че, обывательские морды, не ндравится, значит? Да вас бы, гадов, пером пощекотать!

Тут поднимается с сиденья какой-то дядя богатырского роста и обращается к Юрке. Ты, мол, чего тут бузишь, чего из себя пугало огородное корчишь, пойдем вон выйдем на остановочку и поговорим как мужики. Юрка ему так спокойно отвечает — со сталью в голосе и вороненым блеском в глазах. Пойдем, говорит, мил человек, только тебе придется меня первому ударить! Такой вот аккуратный намек на уголовно-процессуальный кодекс. Мужчина смутился. Тут мы вышли, и с этим мужиком пошли куда-то разбираться наши защитники из местной уголовной братии.

Постояли мы на остановке, покрутили головами. Что делать? Сели в следующий транспорт, уже в троллейбус. Там народу поменьше, но реакция та же. Уже подъезжаем к Юркиной остановке, и тут нам снова предлагает выйти какой-то спортивного вида парень, ехавший со своей девушкой и

почувствовавший, что его девушку наш с Юркой видон оскорбляет самым наглым образом. Надо сказать, что мы ничего особенного не делали. Ну просто ехали в таком вот виде, были выпимши и промеж себя разговаривали. А эпатаж налицо!

Выходим мы вместе с этим парнем и его девушкой на остановке «Сквер», и парень девушке ласково так говорит:

— Ты подожди меня вон там, пожалуйста, Лена. Ладно? Я через пять минут подойду.

Лена спокойно так, привычно кивнула и пошла его ждать там, куда он ей указал.

Эге, думаю. Это значит, он на нас с Юркой ровно пять минут определил потратить, как на совершенно пустяковое для него дело! Ладно, думаю, молодец, билят!

Зашли мы все втроем в ближайшую подворотню. Я стою глазами хлопаю. Понимаю, что надвигается что-то плохое, непоправимое, а что делать, не знаю. Юрка тем временем разворачивается и становится напротив этого паренька в каратистскую стойку. Руки довольно грамотно выставляет вперед и всем своим видом дает понять, что вызов принял и к бою готов. Парень этого, видно, не ожидал. Думал, мы лохи. А мы лохи-то, лохи, да не совсем. Не знаю, что было бы дальше, но тут слышу знакомый голос:

— Юрка, это ты, что ли?

Глядим, к нам приближаются со стороны общества «Динамо» два человека. Один из них — мой бывший одноклассник Леша Ляхов, а другой — его друган по дзюдоистской секции, некто Юрлов.

— Шапа! — говорит Леша, — ты хоть знаешь, с кем драться собрался? Это же КМС по боксу! Ты же Игоря Тучина знаешь. Так вот, у этого парня удар не хуже!

Паренек, видя такое дело, понял, что драка в подобной ситуации уже просто немыслима. Он махнул рукой и пошел за своей девушкой. Леха с Юрловым, поглядывая на нас, как на двух дураков, тоже пошли дальше. А мы отправились к Юрке домой. Вышли мы с ним на балкон покурить, и Юрка говорит:

— А что, нормально мы, Ромаха, сегодня эпатировали. Оттяжно. А ты видел, как он на измену сел, когда я в стойку встал?

— Да, — говорю, — видел! Только если бы не Леша с Юрловым, то мы бы сейчас с поломанными челюстями в реанимации отдыхали бы.

— Да, — говорит Юрка, — это точно. Уж он бы нас быстро обработал.

И решили мы, что хватит, пока, народ эпатировать. Не созрело еще население. Не Лондон, чай!

Глава 20. Рассказ о том, как я, Шапа и Мух отправились в Свердловск по ресторанам пройтись

И вот, подал как-то Шапа идею, что неплохо было бы как-то иначе развлечься. И собрались мы, то есть я, Юрий и один наш хороший знакомый, Саша Махнутин, сгонять в город Свердловск. Он от Тюмени всего-то в трехстах километрах. Надумали мы посетить местные рестораны и «поснимать» там красивых девчонок. Как пел об этом впоследствии Артур Стуков:

> «Мы за красивых девчонок с цветами в руках,
> мы против пьяных теток, грязных и в синяках…».

(Артурка Струков, «Подземка»)

Саша Махнутин был видным парнем. Высокий, стройный, похожий на болгарина, с черной густой щетиной, бровьми союзен, ну и так далее. Одевался Саша тоже, как и мы с Юркой, только в «фирму».

Вот втроем мы и поехали. Приезжаем в Свердловск, выходим на вокзальную площадь, и, сразу же, в гостиницу «Свердловск». Там нам дали какие-то направления и отправили с ними в гостиницу «Тагил». Подойдя к этой гостинице, мы поняли, что жить мы в ней не хотим. Это не праздник. Там явно клопы или что-то в этом роде. Мы вернулись в гостиницу «Свердловск» и Саша Махнутин прибег к старому, проверенному способу: к подкупу административных лиц. Таким образом, к обеду нам были предоставлены три одноместных номера. Вечером, где-то около пяти часов, мы отправились в город в поисках самого центрового ресторана. Местные жители указали нам на культурно-развлекательный комплекс «Космос», в состав которого, помимо кинозала, входил ресторан, бар, варьете и что-то там еще, не помню. Может, даже сауна или бассейн. Что-то в этом роде.

Заходим в зал. Огромных размеров ресторан, явно не тюменские масштабы. Столица Урала! Тут тебе и дома повыше, и кабаки попросторнее. Сидим, едим, пьем. Разглядываем ресторанных девиц, размышляем о том, с какими бы из них

продолжить вечер тет-а-тет. Так время и пролетело, и подошло к закрытию. Вышли мы с Юркой, подвыпившие уже изрядно, в фойе. А Саша Махнутин, то бишь «Мух», задержался в зале, чтобы расплатиться. Ну, мы одежду взяли, разложили ее на кожаных диванах и собираемся, так это, не спеша одеться. И тут кто-то из рядом одевающихся мужиков спрашивает, этак громко:

— А где моя шапка?!

— Кто, Шапа?! — отреагировал зычно Юрка с видом величественным и с барскими интонациями в голосе.

— Я — Шапа!

И тут же, как говорится, не отходя от кассы, один из мужиков, по-моему, как раз тот, что шапку свою искал, бьет Юрку прямо по его породистому лицу. Мужики эти, а их оказалось человек девять, вида были очень даже не мажорного, очень даже обыкновенные мужики. Тот, что Юрку ударил, где-то ему аккурат по подбородок. В ответ на его удар Юрка только презрительно скривился, и вид у него стал такой, будто на него прыгнул какой-то мерзкий зверек. Мужичок, видя, что эффект от удара невелик, решил его повторить, но результат оказался тот же. Юрка только скривил еще более физиономию, с еще большей степенью отвращения от прикосновения к своей царственной персоне какой-то мерзкой, холопской руки. И тут, видимо, до помутненного алкоголем Юркиного сознания дошел смысл происходящего! Его, Юрку, бьют какие-то мудаки задрипанные.

Ромыч! — взревел он, — Зови Шуру!

От этого медвежьего рыка все как бы на несколько мгновений оцепенели и у меня появилась возможность действительно сигануть в ресторанный зал за Мухом. Шура, он же «Мух», был известным тюменским каратистом. Об этом знал Юрка, но не знали мужички. Они заинтересованно вытаращились по направлению к входу в ресторанный зал, откуда вот-вот должен был появиться вызываемый столь громогласно Шура. Возможно, они рассчитывали увидеть в лице Шуры некое чудовище, о трех головах и трех метров ростом, поэтому как-то замерли. Но вот из зала выскочил сначала я, маленький и прихрамывающий, а затем и Шура — симпатичный юноша в пестром пуссере, стройный и в очках. Правда, с густой бородой.

Увидев, что Шура по своим размерам совсем не соответствует образу страшного чудовища, мужички сразу оттаяли и приняли

Шуру в свои теплые мужские объятия. С этого момента завязался интенсивный рукопашный бой. Вот как он протекал.

В самом начале поединка на появившегося на сцене событий Щуру насело сразу четверо мужичков. Шура ушел в глухую оборону, прикрыв согнутыми в локтях руками лицо. На него посыпались градом удары. Поспешив Шуре на помощь, я в прыжке ногой врезался в толпу этих мужичков, что аккурат оказались ко мне боком, и таким образом смел их всех, как карточный домик, открыв Шуре свободу для передвижения. Правда, пока я разбегался для удара, он из своей глухой обороны успел нанести одному мужичку мощный боковой удар справа.

Таким образом, я оказался на полу, в образовавшейся кучемале. Самый дальний от меня атаковавший Шуру мужичок барахтался в маленьком декоративном бассейне, а я барахтался на полу с тремя повалившимися вместе со мной мужичками. Меня кто-то пинал ногами, я кому-то бил по яйцам. Вообще разобраться в происходящем было трудно. Но из своей позиции на полу я, как это ни странно, видел все, что происходит на арене битвы. Шура бегал по фойе и раздавал мужичкам красивейшие и плотные «боковухи», от которых те валились, как снопы. Юрка Шаповалов то и дело убегал в туалет, где смотрелся в зеркало и смывал с разбитых губ кровь. Потом он выбегал из туалета, валил наповал какого-нибудь встретившегося на пути мужичка и убегал обратно в туалет, очень озабоченный своим лицом. В конце концов, Юрку можно было понять, он сюда приехал девочкам нравиться, а не со смердами кулаками махать.

Спускавшаяся в это время со второго этажа, из бара, публика дружно скандировала:

Борода! Борода! Борода — давай! Борода, держись!

Под бородой имелся в виду Саша Махнутин, который вел себя очень красиво, почти как на татами. Он грациозно и непрерывно двигался, и после каждого удара соперник падал как подкошенный.

Весь этот бесплатный и зрелищный спектакль был прекращен появившимся нарядом милиции. Мужики стали подниматься с пола, отряхиваться и оправляться.

Правда, выбежавший в очередной раз из туалета Юрка все же ухитрился врезать напоследок «боковуху», аккурат из-за товарища сержанта, как раз тому мужчине, который его, Юрку, и обидел в

самом начале. При появлении милиционеров какая-то расчувствовавшаяся и нам симпатизировавшая девица стала виснуть на Юрке с криком:

— Мальчики, не надо, они вас убьют!

Оказалось, что дравшиеся с нами мужички — это представители местной свердловской «таксистской мафии», считавшиеся, видимо, грозой этих мест. Мы этого, по счастью, не знали и выдержали блистательный поединок втроем против девятерых.

Наутро, когда Шура и Юрка пришли ко мне в номер, я лежал на кровати, имея на лбу здоровенный синяк в виде следа от каблука. Шура тоже тихо постанывал. И только Юрка был оживлен, бегал и кричал:

— Да вы хоть понимаете, чуваки! Мы вчера их сделали! Мы вчера втроем сделали девятерых. Это победа!

На его возгласы мы с Шурой только печально переглядывались. Я стонал. Это уж кому, как говорится, что. Кому победа, а у кого и чубы трещат. Да, ладно, все равно, хорошо съездили.

Глава 21. Холодное лето 2003 года или Черный Лукич в Тюмени

Эпизод 1

Сами знаете, какое оно выдалось, это лето 2003 года. В разгар июня, аккурат когда по всем погодным тюменским традициям все живое должно буквально изнывать от палящего 30-ти градусного зноя, напротив, ничего подобного не происходит. Льют дожди, холодрыга и ветрище, аж до студеных соплей.

А я как раз собрался в Тобольск съездить. Ну, такая вот личная поездка с духовными целями. Захотелось побродить по Тобольскому кремлю, да повидать отца Макария, которого в университетской среде все называли «Свих». Ну, вы, наверное, помните такого.

Ну вот. Собрался я и двинул на вокзал, встал там в кассу, чтобы билет взять. Простоял этак с полчаса. И тут вокруг моей персоны некое непонятное коловращение начало происходить. Вроде бы как ничего особенного. Подошли какие-то хлопцы. Один какой-то «черножопый» 1, а два других, судя по манере выражаться, явно в прошлом сидели. И давай они все наперебой утверждать, что они тут стояли, в смысле, занимали. А стоящая за мной тетя никак их узнавать не желает. Ну и, само собой, сыр-бор по этому поводу и перепалка. И все ко мне аппеллируют. И то эти мужики меня по плечу этак хлопнут, мол, за ним вот и занимали, то эта тетя на меня ткнет, мол, ни хрена подобного. Короче, тут мне это все дело надоело, и я с воплем «да пошли вы все!» из этой очереди выскочил и счел за благо покинуть столь беспокойное место. Видать, не время мне ехать в Тобольск. Обождать надо.

Вышел я из кассового зала, перешел через площадь и оказался около дома культуры «Железнодорожников», ЖДК, по-нашему.

Эпизод 2

Ну вот. И тут я вспомнил, что уже несколько дней подряд собирался встретиться с Димкой Кузьминым, который и есть «черный Лукич». Дурацкое, кстати, название, если учесть желание Димки угодить каким-нибудь макаром в «формат» 2 и зазвучать по радио. С таким названием, по-моему, ну хоть «супер-формат» произведи, все одно — ни один разноредактор Димку в эфир не запустит. У ихнего брата на нас, «христовеньких», нюх. Ого-го, какой нюх! Они, брат ты мой, поди-ка, не дурнее паровоза.

Ну, ладно. Вот, вспомнил я про то, что Димка-то Кузьмин, по слухам, аккурат в Тюмени зависает, и чего-то там пишет с Сашей Андрюшкиным. Не иначе как новый свой альбом. А я, признаться, Димкины песни очень даже люблю и уважаю. Я, почитай, из русского-то рока, будь он неладен, ничего больше и не слушаю. Потому что русский рок, как показали более чем 30 лет его существования, это, в основном, такое «фуфло» 3, что слов-то невозможно найти, чтобы адекватно выразить всю степень отвратительности этого болезненного нытья и смехотворной амбициозности, кои присущи ну буквально всем его представителям. Включая, кстати, и меня самого, чего уж греха таить. Мои тексты, как перевели на немецкий язык, да прочитали западным немцам, они аж позеленели. Это чего же он от нас хочет? Чтобы мы тут все повешались!? А ни фига подобного! Нам тут хорошо, и, мало того, мы жить хотим. Нам, может, это дело нравится, жить, то есть. То есть такая вот реакция. Нет, ну правильно, за что вот все песни Димки Кузьмина и любят. Не грузит он своими песнями людей, не мешает им жить-поживать, да радоваться. Такой уж он человек. Мудрец, стало быть, не то что некоторые!

Эпизод 3

Зашел я в дом культуры, поднялся на второй этаж и тихонько постучал в дверь, за которой, сколько себя помню, всегда скрывался оркестр народных инструментов под управлением Андрюшкина-старшего. Там я и обнаружил Диму, Сашу и Сашину подругу, Татьяну. Оказывается, я посетил эту группу товарищей аккурат в момент активного творческого процесса. Поэтому, чтобы процесс не нарушать, мы с Лукичем отправились на свежий воздух пить пиво, курить сигареты и рассуждать о нашем житье-бытье. Ну, потом мы, ясное дело, еще и водку пьянствовали и я, наконец-то, выяснил, где и когда произойдет тюменский «квартирник» 4 Лукича, о котором свидетельствовали несколько ксерокопированных афиш. Одну из этих афиш организаторы мероприятия, а это, в данном случае, были сами Андрюшкин с Лукичем, примотали скотчем к стволу дерева на аллее, ведущей к памятнику В. И. Ленину. А памятники эти, кстати говоря, так и стоят по всей стране на центральных площадях. XXI век уж на дворе! Уж скоро, поди-ка, всяческие фантасмагории про инопланетян и фотонные ракеты на «альфу-Центавру» начнут сбываться, и сказка, наконец-то, станет былью, а они стоят! И лысый этот хрен все тычет своей провидческой ладонью куда-то туда, где Макар телят не пас. Ну совсем не на «альфу-Центавру». На Антарктиду, что ли?

Ну ладно. Короче говоря, выяснил я, наконец то, о чем умалчивали эти афиши. Выяснил я, где и когда следует оказаться для того, чтобы попасть на квартирник Димки Кузьмина, которого все нынче кличут «Черным Лукичем», и который на самом деле светлый, а вот, поди ты.

Ну ладно. И вот, в результате всего этого, я и оказался 18 июня 2003 года, в 18 часов 30 минут на остановке «Жилой массив», на окраине Тюмени, где и обнаружил Кузьмина,

Андрюшкина, Женьку Кокорина, Эдика по кличке «Скам», ну и, чтобы тоже там чем-нибудь заняться, включил принесенный с собой диктофон и начал Кузьмина интервьюировать.

Эпизод 4

Далее везде я — Роман, Дима Кузьмин — Лукич.

Роман: Почему оказался снова на тюменской земле и почему столь неорганизованно?

Лукич: (со вздохом) Ох, снова вот оказался на тюменской земле, приехал к своим любимым людям, и, слава Богу, всех их повидал: и Романа Владимировича, и Джексона, и Жевтуна, и Аркашу Кузнецова.

Роман: То есть цель — такая дружеская поездка, что ли?

Лукич: Приятное с полезным. С одной стороны, повидать своих, а с другой стороны, воплотить в жизнь мечту старинную нашу с Сашей Андрюшкиным, записать совместный альбом. Ну и, слава Богу, пока все идет к тому, что мы его запишем.

Роман: А альбом как будет называться?

Лукич: Альбом будет называться «Мария», ну на данный момент он на 90 % уже закончен.

Роман: Понятно. Вопрос будет такой. Когда в последний раз было официальное приглашение и от кого?

Лукич: Последний раз было два года назад. В то время у нас был директор, и каким-то образом вот он и договаривался с рок-клубом «Белый кот», и я приезжал в электричестве. Но пробыл тогда очень немного. Даже почти никого и увидеть не смог. Так, проездом получилось. Но сейчас уже вот две недели мыкаемся.

Роман: В каком сейчас состоянии твой как бы коллектив, ежели такой имеется? И какие изменения он претерпел за последнее время?

Лукич: В сентябре месяце 2002 года переехал в город Санкт-Петербург и вскоре собрал там состав из очень хороших музыкантов, и из бывших музыкантов «Аквариума», «Наутилуса», Алик Патапкин, Гога Копылов, Саша Пономарев.

Поиграли, порепетировали, но, тем не менее, самую свою

любимую, самую последнюю свою программу решил делать с людьми, которых знаю дольше и люблю больше. И, в общем, приехал сюда. И в дальнейшем есть такая мечта, чтобы этот состав: Саша Андрюшкин, я, Герасименко — чтобы и гастролировали втроем.

Роман: А не нанесет ущерб это твоему питерскому проекту?

Лукич: Ну, конечно, нанесет. Потому что он тогда автоматически аннулируется. Но, на самом деле, я, все-таки, думаю, что сейчас расстояния стало полегче преодолевать. Я думаю, что мы сможем существовать такой Питерско-Сибирской командой, все-таки достаточно стабильно.

Роман: А не кажется тебе, что получаются очень частые смены состава, и этот состав тоже может оказаться нестабильным. Потому что у музыкантов, у тех, с которыми ты сейчас сотрудничаешь, у них тоже очень много планов в других проектах?

Лукич: Ну, здесь, на самом деле, никто точно не знает, насколько долговечен будет тот или иной состав, проект. Потому что когда он создается, кажется, что это отныне и на долгие года. А по каким-то объективным и субъективным причинам это часто нарушается. Но я в отношении этого состава более-менее спокоен, потому что, во-первых, очень давно знаю Сашу (Андрюшкина — прим. Автора), и мы уже так не один десяток концертов сыграли, в Москве, в частности. Часто бывает, что Саша с «Обороной» выступает.

Роман: Вот вопрос об «Обороне». Ты же знаешь, что наш друг, Игорь Федорович, весьма и весьма эгоистичен и ревнив, то есть к своим планам относится с огромным трепетом и ревностью. Вот, опять же, не думаешь ли ты, что эта ревность начнет давать о себе знать, и он начнет создавать такие ситуации, чтобы Андрюшкин играл с ним, а не с тобой.

Лукич: Ну, я думаю, что специально вряд ли это произойдет, а график всегда можно согласовать. Тем более «Оборона», она в последнее время выступает какие-нибудь два-три тура в год, достаточно насыщенных, на несколько недель. И в этом смысле я человек мобильный, и если у «Обороны» будет какой-то жесткий график, то я смогу подстроиться, чтобы мы смогли с Сашей выступать. А в плане чисто человеческих отношений — там люди

все взрослые, у Саши устоявшиеся отношения с Егором и, я думаю, он обладает достаточной теперь независимостью, чтобы играть с тем, кроме «Обороны», с кем хочет. Поэтому, я здесь не вижу проблем.

Эпизод 5

Тут в процессе интервьюирования происходит перерыв, потому что наша группа, собравшаяся по поводу квартирника Димы Кузьмина, начинает движение к месту, так сказать, событий. Идем к панельному дому, останавливаемся у подъезда. Если честно, то как-то не очень охота подниматься в квартиру, и мы до последней возможности торчим у подъезда и курим по последней сигарете. Но, наконец, все ж таки, заползаю в лифт и я, и оказываюсь в трехкомнатной квартире. Очень, как мне показалось, удачная планировка. Из прихожей есть выход на лоджию. Туда мы можем, в дальнейшем, выходить на антракты и перекуры. Все приглашенные располагаются в зале таким образом: Лукич с гитарой и Саша Андрюшкин — на кровати, у входа в комнату, а публика — на пространстве между этой кроватью и окном. На кровати разложены самые разнообразные перкуссионные принадлежности Андрюшкина. Сам Саша воссел, обложившись своим оборудованием, как кудесник, готовый посвятить нас в свое тайнодействие, или как фокусник.

В процессе ритмического аккомпанирования он берет то одну свою штуковину (названия ни одной из которых я не то что не знаю, а и не могу даже знать), то другую, и жонглирует ими. Ну, артист, ничего не скажешь.

Ну, о том, как Лукич исполняет свои песни, писать, ясное дело, бессмысленно. Это надо слушать. А вот в перерыве, после серии новых песен и нескольких уже знакомых, я к нему продвигаюсь со своим диктофоном и продолжаю его терзать вопросами.

Роман: Буду тебя дальше пытать. Духовная твоя жизнь как? Как твои молитвы?

Лукич: Ох, духовная жизнь пока очень в скорбном состоянии находится. Потому что суета, суета, какие-то переезды, ремонты и прочее. Поэтому в храм хожу редко, не причащался сто лет и, в общем, здесь мне похвастаться нечем, и большое негодование у меня на себя. (Эге, думаю я тут про себя. А у меня наоборот, концертная деятельность, так себе, раз в год, по обещанию, так зато для молитвы времени хоть отбавляй. Могу хоть каждый день посещать церковное богослужение, а вот пойди ж ты, в храме, на службе бываю раз в 15 меньше, чем мог бы. Эх, ма! Еще вопрос, у

кого духовная жизнь на нуле).

Роман: А сколько разводов уже?

Лукич: Роман Владимирович, о чем Вы говорите! Давайте не будем об этом. (Оба смеемся).

Роман: Просто я тебя как-то спрашиваю. У тебя жена-то православная? А ты мне отвечаешь: у меня все жены православные.

Лукич: (со смехом) Да, это можно в плюс поставить.

Роман: А получается, что они, видимо, православнее тебя оказываются.

Лукич: Ну, возможно. Да. Особенно Рита, она человек очень православный, хороший, и… Ну, как говорится, есть куда совершенствоваться, зато.

Роман: Ну, понятно, а ты, как бы, не думаешь, что…

Лукич: …что за базар придется ответить?

Роман: Да нет! Причем тут «отвечать за базар». Что именно противоречие между той жизнью, которая могла бы быть с Ритой, заключается в твоей творческой деятельности. Может, этим надо было бы пожертвовать? То есть, невозможно это совместить.

Лукич: Ну, это очень личностные вопросы и поэтому… каждый человек живет так, как он может жить и не живет так, как он не может жить. Поэтому, как уж сложилось, так оно и есть. Тут теоретизировать можно сколь угодно, но вот так сложилось.

Роман: А религиозные твои какие-то духовные императивы в творчестве отражаются каким-то образом?

Лукич: Это, наверное, не ко мне вопрос, а к тем людям, которые меня слушают. Я думаю, должно, потому что я стараюсь нести людям что-то хорошее, что-то светлое. И, наверное, это неотъемлемо связано с моей верой.

Роман: А не считаешь ли ты, что у тебя творчество несколько «литературное»?

Лукич: О, вот этого упрека я никогда не слышал в свой адрес.

Роман: Только это не упрек, это вопрос.

Лукич: Я крайне был удивлен, когда один человек мне сказал, что я попал в десятку лучших поэтов Новосибирска. Я был страшно поражен, потому что я всегда относился к своему творчеству как к текстам песен, даже не как к стихам, потому что они таковыми не являются. Они неотъемлемы от музыки.

Роман: Нет, ты меня не понял. Я имею в виду вопрос, не является ли большая часть твоих песен инициированными твоими литературными пристрастиями, пересказом прочитанного. Или ты пишешь песни от жизни?

Лукич: От жизни! Были какие-то там «Дом на дюнах» или «Остров сокровищ». Это вот единственный, скажем так, микроцикл, который был связан с литературой напрямую, а так, я думаю, нет.

Роман: А вот эти вот вещи не являются концептуальным подходом, проявлением известного лозунга «делай сказку»?

Лукич: Может быть, может быть. Я так не задумывался, может быть, над этим. Но это не инициировано, скорей всего. Потому что последнее время я читал, в основном, Достоевского. А последние мои песни, как мне кажется, мало связаны с творчеством Достоевского. Во всяком случае, такой какой-то глубины и мрачности нету. Хе-хе, как это я насчет глубины! Сам себя закопал.

Роман: Просто, говорят, у тебя начался какой-то период, тебя начали даже к КСП причислять. И тут ты как бы возвращаешься снова к року.

Лукич: А, видишь ли, если ты начинаешь слишком часто выступать в акустике, то наши слабо образованные журналисты тут же начинают причислять тебя к КСП. Только потому, что ты выступаешь один и с гитарой. Хотя, можно было бы играть те же самые песни, взяв хотя бы еще бас-гитариста. То есть они крайне примитивно оценивают творчество, и поэтому вот отсюда это все и берется. Нет, просто по определенным объективным причинам очень много приходиться давать акустических концертов, и это

невольно отражается на подобных оценках. Но я один раз был на КСПэшном фестивале, где меня плохо приняли, я очень плохо к ним отнесся, и, в общем, никакого общего языка мы с ними не нашли. Кончилось все большим скандалом, когда мы все друг друга послали.

Роман: Я просто думал, что у тебя была попытка уйти как-то от рок-эстетики и перестать «рокотать».

Лукич: «Рокотать»? Да, безусловно. И последний наш альбом, который мы пишем, он достаточно тих, и я вот говорил тут друзьям, что в нем практически отсутствует электрогитара, что уже говорит о многом. Рок весь на электрогитаре построен.

Роман: Ну, это возрастное? Устал просто от рокочущей музыки?

Лукич: Трудно сейчас сказать, потому что я же не знаю, каким будет следующий альбом, но я просто хотел записать такой тихий, прозрачный альбом с Сашей Андрюшкиным. И когда мы начали его делать, это произошло естественно, ясно стало, что нам не понадобится жесткий звук. Но еще год назад я играл достаточно жесткую музыку. Поэтому я не могу сказать, что это вот у меня теперь так и будет. Может быть, так и будет, а может быть, через год я буду играть более электрические вещи. Я не знаю, какие напишутся песни. Я не знаю, какие они будут, дай Бог если они будут еще, следующие. Они во многом будут диктовать форму, в которой они должны реализовываться. Вот сейчас так получилось, что эти песни надо делать в акустике.

Роман: Понятно…

Лукич: (смеется) Понятно! Равнодушным голосом сказал Роман. Хе-хе-хе…

Эпизод 6

Поиграв какое-то время на гитаре и попев, Лукич рассказывает такой случай. Лукич, имея в виду Александра, говорит:

— В Новосибирске его медведь укусил. Нет, это же надо было умудриться, в городе Джексона чуть медведь не порвал.

— Саша Андрюшкин: — Гиблое место! Медведи ходят по городу.

Лукич: Мы пошли гулять по Новосибирску, и где-то в зоопарке Новосибирском, в каких-то там трущобах, нашли клетки с запасными медведями. Это ж надо, там они в клетках сидят, а это — запасные! И там был такой медвежонок… Джексон его погладил, а он лапкой так, динь. Коготочки такие длинненькие.

Ромыч: Ну так, он же таежный у нас человек.

Лукич: Женя говорит: где моя порвал куртку? Медведь подрал.

Главное, что это была правда (общий смех).

Потом Лукич с Андрюшкиным продолжают играть. Люди апплодируют.

Лукич: Друзья мои! Если кто-то захочет услышать какие-то песни, прошу говорить. Хотя я уже усек, какие песни надо играть. Потому что квартирник, в отличие от всех других видов сотрудничества артиста с публикой, наверное, самый хороший и самый интересный, когда можно много узнать такого, что… Кто-то из публики?

— Давай Афганскую.

Лукич: Афганскую!? А-а-а! В каком-то сборнике ее называли «афганом»?

Кто-то из публики: Я не знаю, как она на самом деле называется.

Джексон: Это про зеленое знамя, наверное.

Ромыч: Да-да-да! Джексон лежал в больнице с одним чеченцем. Чеченец уверял, что это его любимая песня. Потому что…

Андрюшкин: Народная чеченская песня!

Ромыч: Потому что, говорил он, про Зеленое знамя пророка этот чувак правильно поет.

Лукич: Нет, который год уже я пою там бело-зеленое знамя. Это знамя сибирского сепаратизма, старый колчаковский флаг.

Джексон: Чеченец правильно понял!

Все смеются.

Лукич: У нас даже сейчас в Новосибирской области это знамя, то есть, колчаковское, белое и зеленое, и по диагонали идет такая голубая извилистая лента.

Ромыч: Ну вот, чеченец и говорит, сепаратисты, говорит, всех стран соединяйтесь!

Лукич: Никакое знамя! Не было знамени! Будем петь краснознаменные стяги!

Ромыч: А какой там наместник был низложен? Наместник чего?

Лукич: Намекаешь на Федеральные округа? Андрюшкин! Поехали!

Ромыч, упорствуя: Какого наместника свергать будем?

Лукич: Ну, второе название у песни «Осень патриарха». Это, достаточно так, к Маркесу 5 относится. Там достаточно все понятно, что за наместник.

Ромыч: Почитаем!

Лукич: Не знаю! Не читал! (обращаясь к публике).

В свое время у нас был один невиданный чемпионат по «Бриллиантовой руке». У нас мировые чемпионаты проводятся в Омске. И вот, ваш покорный слуга был чемпионом мира. В настольный хоккей я проиграл чемпионат мира. Правда, взял кубок Омска. А по «Бриллиантовой руке» выиграл. Чемпионат мира на лучшее знание фильма «Бриллиантовая рука». Там были очень интересные вопросы. То есть, в начале, в первых отборочных турах, первые вопросы были такие…

Ну когда Миронов встречает Папанова на таможне:

— Товар, как в сейфе!

— А ключ?!

— Как говорит наш шеф, если человек — идиот, то это надолго.

Уезжают, остается афиша… Вопрос: афиша какого фильма?

«Зигзаг удачи». Это самые простые вопросы.

Манагер меня хотел убить вопросом: какова была грузоподъемность крана, который поднимал Семен Семеныча Чубуннова? (общий хохот)

— А у нас было все по-честному. Мало ли кто когда смотрел. Поэтому перед чемпионатом проводился контрольный просмотр. Все смотрят фильм, и потом уже начинаются все конкурсы наши. И Маначер заметил, что, когда показывали эту сцены, я прикуривал или тушил «бычок». Он лихорадочно стал запоминать, что происходит, и он меня сразил в полуфинале. Я говорю: шесть тонн! Он — семь тонн! На тонну ошибся. Потом оказалось, что Маначер тоже не смог ответить на какой-то вопрос. И мы встретились уже в финале. Ну, там я одержал уж победу чистую. Ну, могу сказать, каким вопросом. Я задал вопрос:

— Кем был Лелик, сыгранный Папановым, до того, как он попал в это бандформирование, так? И почему он туда попал? Причем, все лежит на поверхности. Надо вспомнить, что в начале 60-х годов была проведена военная реформа Хрущевым, когда из армии было уволено 500 тысяч офицеров, не имевших высшего образования. По ряду выражений, а именно «такова наша дислокация», или там «начинаю действовать по вновь

утвержденному плану», понятно, что Лелик из бывших офицеров, и, скорее всего, без высшего образования. И вот, в лице Лелика, мы видим жертву Хрущевской реформы, когда 90 % пошли на стройки народного хозяйства, а отдельные личности — вот в такие, теневые организации. Вообще-то, даже легкая кинокомедия иногда заставляет задуматься.

Андрюшкин: Что уж говорить о таких песнях, как у тебя!

Лукич: А ты все это плавно подводишь…

Андрюшкин: Руки чешутся?

Лукич: Почеши…

(смех)

Ромыч: Это к деньгам, к деньгам…

Лукич продолжает играть.

«Над полями
Серый костер дождя,
Побежденные травы
Неугасимого дня…»

Лукич: В 95-м году, в этом прекрасном городе был записан альбом на фирме IZBA Records, «Ледяные каблуки». И вот присутствующие здесь Женя Кокорин, Аркаша Кузнецов…

И там есть две песни… Так или иначе эти песни растыкались по каким-то другим альбомам. А две песни остались только в этом оригинальном альбоме.

(Исполняет песню «Продана девушка хорошая»)

Лукич: Очень здорово, когда благие намерения реализуются, как даже и не мечтали. Вот мы захотели записать тогда 3 альбома, собрались в эту избушку, возле вокзала тюменского. И за три месяца были записаны «Ледяные каблуки», «Чернозем», «Подарок для самого слабого» и Манагер «Быть живым». Потом, по-моему, была продана эта избушка влет. И довольно дорого (аплодисменты, Лукич исполняет «Прощай мачеха беда, здравствуй матушка Победа»). Песню завершает колокольчиковый

пассаж Андрюшкина, а я завершаю описание этого мероприятия, так как ничего достойного внимания более не вижу.

Глава 22. 12 апреля 1985 года или ДАДИМ ГОВНА!

Начало

Как-то незаметно, не оставив в памяти особых воспоминаний, прошла осень 1984 года. Так же, в полусонном состоянии, минула и зима. Наступил 1985 год. Своим чередом шла учёба, и делами клуба любителей музыки я почти не интересовался. Но вот, ближе к весне, все, как это и положено в природе, стали понемногу просыпаться. Проснулись и университетские власти. Опять на безоблачном горизонте клубной жизни начали сгущаться административные тучи. Во-первых, вопиющие безобразия на пятом этаже общежития надо было срочно прекратить и помещение это следовало использовать в более мирных и общественно-полезных целях. Таким образом, у Немирова возникла опасность остаться без крыши над головой, а у членов клуба — без места для кутежей под любимый музон. Как следствие этого, во-вторых, опять возникло требование провести какое-либо мероприятие. Честно говоря, до сих пор не понимаю, почему они не могли ликвидировать эту лавочку просто, без всяких объяснений. Ну ведь должны же они были знать, ЧТО ЭТО ЗА ТАКОЕ! Уверен, прекрасно знали. Но вы же помните историю нашей партийной бюрократии, равно и комсомольской. Одно из их свойств — это осторожность и ПЕРЕСТРАХОВКА!

На этот раз проведения мероприятия (причём МАСШТАБНОГО, такого, чтобы сразу стало всё ясно) требовал не столько Туров, сколько университетский комитет комсомола. Начальству студенческой комсомолии просто позарез приспичило увидеть собственными глазами клуб любителей музыки в полном составе его членов и в действии. Ну, чтобы воочию убедиться, какова же на самом деле идеологическая направленность клуба!? Что там еще, кроме музыки, девок и вина? Вон, товарищи из КГБ настойчиво уверяли, что еще и «гомосексуализм», обязательно! Они, кстати, товарищи по этой части очень компетентные. Тут уж универовская комсомолия не имела права сомневаться. Многие из них не раз бывали на этом пресловутом «Западе», откуда эта «новая музыка» в очередной раз и свалилась на наши головы. Таким образом, «куратор» от КГБ по Тюменскому Университету тов. КРЕКОВ нажимал на секретаря универовского комитета ВЛКСМ, а тот уже давил на Турова. Ну а Туров открыто пророчествовал уже Немирову и нам: смотрите, мол, конечно, ребята, но выкинут вас на улицу, вместе с вашей музыкой, девицами и «Огненным танцем». А там уж вами доблестная милиция займется.

Таким образом, деваться было некуда. Волей-неволей, а мы должны были показать, что делает наш клуб. Пропагандирует идеологическуи чуждую буржуазную культуру? Помогает расти «родимым пятнам капитализма»? Или же, наоборот, ведёт среди студентов разъяснительную работу в духе последних решений ЦК КПСС, обличая преступления американского империализма!?

Мы, кстати, полны были решимости обличать и разоблачать. А что он нам, этот самый «американский империализм», папа, что ли? На собрании клуба было решено комсомольское руководство не дразнить, и обличать проклятых империалистов изо всех сил. Опять таки, мы с Костей Пахомовым всячески предупреждали и предлагали не высовываться, а тянуть резину. Но в очередной раз были названы трусами и подверглись обличению со стороны Немирова. Теперь я его ох как понимаю. Нам-то что! А ему, бедному, куда тогда идти? И куда девать свой диван, хоть и сломанный, без ножек, но больше у него все равно ничего нет. Где и на чём, спрашивается, спать?! А на дворе еще не лето. На дворе еще месяц март. А что такое в городе Тюмени март месяц? Представляете вы это себе? Ветер, холод, и в гости не к кому пойти.

«Как холодное, мерзлое пиво
Март на улице раком стоял…»

Так, кажется, написал про этот месяц наш общий друг, поэт и философ Владимир Богомяков.

И вот в такое-то, ужасно холодное время, мог наш председатель клуба, Мирослав Маратович, быть вышвырнут на улицу вместе со своим безножным диваном! Кошмар! Разумеется, спасать надо было человека. Пора, впрочем, обратиться к имеющимся историческим документам того времени, и доказать тем самым, что так оно и было на самом всё деле. А не плоды это всё моего «лжеимённого разума». Итак, вот они, печатные документы тех лет! Ознакомьтесь.

История Инструкции в документах

«„ИНСТРУКЦИЯ“ — это протест во имя ничего».
(О. Галицких, журналист)

«Некоторые члены „ИНСТРУКЦИИ“ уже
сделали очень серьезный шаг —
они смотрят на наше общество как
бы со стороны. Каким будет следующий?..».
(В. Баглай, 2-ой секретарь ГК ВЛКСМ)

«Чтобы в 25 лет ходить босым и чумазым,
для этого нужны серьезные основания…».
(С. Васильев, секретарь ком. ВЛКСМ ТГУ)

«…про бедность и дырявые карманы поют,
а у самих деньги есть, я-то знаю…».

(из отзывов публики)

Ситуация к концу 1985 года была мало обнадеживающей.

Формэйшн ИПВ тогда выступал под маркой рок-клуба Тюменского государственного университета. Причем рок-клуб был основан так.

Некто М. Немиров в феврале 85 года подошел к некому Турову, тогда начальнику университетского студенческого профкома, и предложил ему основать клуб любителей рок-музыки.

— Ни за что! — быстро отреагировал Туров. И пояснил. — Я в тюрьму не хочу!

— Ну тогда — «Клуб любителей современной эстрадной музыки». — не унимался «Мирон» Немиров.

— Это другое дело! — обрадовался Туров. — Ты давай пиши объявление, а я буду тебе ставочку выбивать.

В этот момент в «рок-клуб» входили, во-первых, те, кто его основали весной 85-го (см. выше), и кто к тому времени являл его наиболее активную, известную, авторитетную и одиозную часть: тт. «Мирон» Немиров, «Ромыч» Неумоев, Ю. «Шапа» Шапкинд, Ю. «Дедушка» Крыладзе, И. «Джеф» Жевтун. Остальные — около тридцати членов рок-клуба ТГУ — составляла молодая шпана, примкнувшая к этим вышепоименованным вождям осенью 85-го.

Положение Клуба было удручающим. У клуба не было:

А) помещения

Б) аппаратов

В) денег

Г) каких-либо перспектив

Д) вообще ничего

Единственным, так сказать, носителем музыки, то есть человеком, умеющим играть и петь, был Джеф. К описываемому моменту он уже полгода пел пять одних и тех сочиненных (при этом не столько сочиненных, сколько передранных у СТРЭНГЛЕРЗ и СОФТ СЕЛЛ) песен и находился в совершенно деморализованном состоянии. В деморализованном состоянии находились и остальные вожди клаба. Единственными способными проявлять активность и вести какую-нибудь деятельность в то время были Мирон и Ромыч — однако, деятельность их была разобщена и сопровождалась ожесточенной междоусобной борьбой. Вышеупомянутая молодая шпана к каким-либо осмысленным и продолжительным усилиям была неспособна абсолютно, и вся ее деятельность в клубе состояла в ношении черных очков, соответственных штанов и кричании: «ПАНК-РОК ЙЕ-Е-Е!».

В самом начале 86 случилось такое знаменательное для дальнейшей судьбы рок-клуба событие: М. «Мирон» Немиров и Р. «Ромыч» Неумоев практически одновременно пришли к мысли, что никто не прорубает, как нужно играть и о чем и что петь, надеяться не на кого и единственный способ послушать настоящую рок-музыку — это делать ее самому. И оба начинают делать: Ромыч покупает гитару и учится на ней играть, Мирон собирает Джефа и одного из представителей молодой шпаны А. «Аркашу» Кузнецова и заставляет их подыгрывать ему во время выкрикивания им текстов собственного сочинения. Сие действо он называет рок-группой «ИНСТРУКЦИЯ ПО ВЫЖИВАНИЮ».

Кроме того, оба не прекращают и иной своей околорокнролльной творческой деятельности: Мирон пишет рассказки и статьи, участвует в скандальном выпуске филологической стенгазеты, сочиняет стишки; Ромыч регулярно выпускает ИНФОРМЛИСТКИ, в которых помещает как переводы, так и собственные сочинения на различные темы.

Все это (а также и ношение черных очков, сомнительных штанов и кричания «ПАНК-РОК ЙЕ-Е-Е-Е!» молодой шпаной) все же принесло свои плоды. Все это было в сумме своей этаким непрерывным давлением на университетские власти, и они принуждены были отступить. В конце января 1986 года РК было неожиданно предоставлено помещение в университетском студклубе на Перекопской и обещаны аппараты. Тем не менее, дела в Клабе обстояли вплоть до середины марта хреново. Во-первых, Клаб не получил обещанных аппаратов. Мирон и Ромыч продолжали находиться в состоянии глубокого раздора. Оба к тому же были в состоянии полной прострации и пессимизма. В результате деятельность Клаба состояла в этот период в том, что в него приходили люди, сидели по углам, смотрели друг на друга и мрачно думали о том, на кой же черт все это нужно? Оба лидера были выведены из строя, другого человека, который вдохнул бы жизнь в это затхлое болото, не находилось. Крайне отрицательную роль играла также разлагающая, деморализующая и вредительская деятельность гр. Шапкинда.

на фото Юра Шаповалов, Владимир Медведев и «красненькое»

Продолжение

Тем не менее, кое-какие успехи были даже в этот гнусный период

1. Наличие помещения помогло привлечь в Клаб некоторое число новых людей, впоследствии оказавшимися не такими дятлами, недоебками и долбоебами, как тогдашний контингент Клуба: Петровича, Кайдалову, Пашу-фотографа.

2. Джефом с Аркашей (при содействии Крыладзе, Шапкинда, Мирона и обеспечивавшего это дело Кукса) была произведена попытка записи. Были записаны (акустически: две гитары + два микрофона + губная гармошка + Шапкинд в роли ритм-компьютера) пять песен. Песни были еще те, звук соответственный, запись эту практически никто, кроме людей, непосредственно с ее производством связанных, не слышал. А впоследствии она и вообще была изъята известным заведением в качестве доказательства (туда ей и дорога), но тем не менее в дальнейшей истории ИПВ ее можно будет упоминать в качестве… ну, в общем, сами понимаете.

3. Мало-помалу стала кончаться зима и начала начинаться весна.

Весна началась с того, что РК должен был представить на ежегодный смотр самодеятельности какую-нибудь программу. Замысел, который возник у Мирона еще осенью 1985 года, было решено воплотить. Дело правда осложнялось тем, что Мирон сам реализовать свой замысел был не в состоянии. Он не в состоянии был даже дописать сценарий. Деморализация его продолжалась, он пил пригоршнями таблетки от отупения, но это мало помогало. Ромыч по-прежнему был терзаем бесом противоречия и от какого-либо участия в подготовке предстоящего сейшена отказался наотрез. Тов. Шапкинд, успевший к этому времени эмигрировать в город Надым и бежать оттуда быстрее лани, продолжал оказывать влияние разлагающее и вредительское. Джеф был милый парень и лапочка, но ждать от него каких-либо действий было смешно. Остальные были те, кто вообще не мог два слова связать. Однако нашелся все же лидер и вождь. Им стал тинэйджер Аркаша. Именно им была осуществлена работа по напряганию Мирона на предмет дописания сценария. Аркашей была раздобыта и записана фонограмма. Аркашей было договорено об аппаратах и репетициях. Наконец, в процессе этих

репетиций — на уже вдруг появившихся электрических аппаратах! — как-то нечаянно ИПВ в лице Джефа и Аркаши объединилась с безымянной бандой факультета романо — германской филологии, и в состав ИПВ вошли ГЕРА и ДЖЕК. И сейшн был дан.

Здесь и сейчас
Сценарий Рок-Шоу (состоялось 12 апреля 1986 г.)

ОФОРМЛЕНИЕ ЗАЛА: сцена А — собственно сцена зала, на которой идет основное действие и происходит выступление рок-группы;

Сцена Б — сцена в зале, на которой находится аппаратура и ведущий.

Ведущий объявляет о начале вечера и заводит музыку, под нее идут обычные танцы, зал разогревается и начинает чувствовать себя достаточно свободно.

После прекращения танцев ведущий говорит: «Танцевать мы еще будем, но на этот раз рок-клуб предлагает вам нечто более оригинальное и интересное, чем простые танцы под магнитофон. Вам будет показано танцевально-карнавально-театральное представление — пародийная история рок-музыки, каждое течение которой будет обыграно в музыке, форме поведения, моде и лозунгах тех времен. В процессе представления не возбраняется танцевать, всячески выражать восторг и просто веселиться. Но помимо развлекательных, представление преследует и познавательные цели: вы сможете достаточно полно познакомиться с историей рок-музыки; узнаете, как всяческое первоначально демократическое явление на Западе быстро ассимилируется большим бизнесом и становится не более чем средством получения прибыли и оболванивания масс.

Сейчас я представлю вам главных действующих лиц представления, но для начала позвольте завести песню группы Пинк Флойд „Деньги“, так как деньги, к сожалению, будут играть большую роль в представлении. (Звучит Money, „Обратная сторона Луны“, 1973 г.)

Итак, главные действующие лица и исполнители:

Рок-звезда Игги Джифтоун в исполнении Игоря Жевтуна. —

Не говорит, зато поет и танцует, потому что ему это нравится. На разворачивающуюся вокруг вакханалию смотрит с простодушным упоением. Символизирует здоровое демократическое начало в рок-музыке.

Что вы скажете нам для начала, Игги?

(Игги со зверской рожей: „Йе!“)

Игорь Жевтун — будущая звезда русского рока

Рок-теоретик в исполнении Мирослава Немирова. Не поет, зато говорит, точнее, вещает. Главная особенность: способность из двух просмотренных телепрограмм и сводки погоды за позапрошлогодний август вывести общую теорию всего, какую он и выводит, причем в каждом случае прямо противоположную предыдущей.

Что вы нам провещаете, сэр?

(Рок-н-ролл — это фольклор технотронного общества, это энергия здесь и сейчас! Йе!!!)

Очень плохой парень, бизнесмен, мистер Дроумыч. Не говорит, не поет, не танцует, зато делает большие деньги! Символизирует собой большой бизнес.

Что вы скажете, мистер Дроумыч?

(Дроумыч достает из мешка бумагу с надписью „миллион денег“ и выразительно трясет ею перед носом ведущего.)

— Исполняет Роман Неумоев.

В осуществлении данной программы нам любезно помогает ведущая группа рок-клуба „Инструкция по выживанию“.

(Музыканты хватают инструменты и играют затертый рифф.)

И фаны — члены рок-клуба в зале. Изображают поклонников. Основная характеристика — выражение восторга непрерывно.

Свет притушен, музыка постепенно замолкает. Свет на сцену А; на сцене мистер Дроумыч, плакатный буржуй, во фраке и цилиндре, ноги на столе, во рту сигара. Читает газету.

Голос ведущего:

— 1957 год, США.

Дроумыч:

— Так что у нас пишут? „Эвакуация французских войск из Юго-Восточной Азии“. Корею продули, Вьетнам продули. „Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности обязала всех коммунистов зарегистрироваться в ФБР в качестве русских шпионов“. Так их! Хороший красный — мертвый красный. „Резкий рост преступности среди молодежи“. Чего им не хватает? Жрать есть, обуты, одеты, телевизор им покупай! А вот биржевая сводка. (углубляется в чтение, а в это время со сцены Б доносится фонограмма свиста, шума и рок-н-ролла).

Дроумыч:

— Опять этот рок-н-ролл! (Читает.) Вакханалии на концертах, всеобщая истерия, подростки громят концертные залы». «Элвис Пресли». (Слайд с Элвисом Пресли). (Бизнесмен смотрит) Редкий ублюдок. «Письмо читательницы. Путь, которым ведет нашу молодежь Пресли — прямой путь к непристойности и коммунизму». Так, Бадди Холли (Слайцд.) — официант какой-то! Чак Берри (Слайд) — У, черномазый!

— А может, это как-то применить к делу? (Думает) Секретарь, собирайтесь, едем на концерт! Пресли? Берри? А вот Игги Джофтоун! (слайд.)

В колонках свист, рев, на сцене Игги и группа «Субботний рок-н-ролл». Слова и музыка А. Кузнецова. После окончания песни вновь появляется бизнесмен и его секретарша.

Бизнесмен: «Нет, парней определенно нужно приспособить к делу!» (смотрит в бинокль)

Секретарь: «Может, начнем выпускать такие же пиджаки?»

Бизнесмен: «Нет, это нужно перестраивать производство. (Думает) Черта с два! Они будут рекламировать нашу продукцию».

Секретарь: «Да как же это?»

Дроумыч: «А вот как!»

На сцене ИГГИ Джифтоун Бенд. Под звуки рок-н-ролла они учиняют непотребства с продукцией фирмы Дроумыча, а точнее, с рыбными пирожками. Джжифтоун в белом халате жонглирует пирожками и т. д. Затем фонограмма рок-н-роллов.

На сцене теоретик. Врывается корреспондент и вопрошает.

Корреспондент: М-р теоретик, что это за музыка такая — рок-н-ролл?

Теоретик: Рок-н-ролл основан на негритянском ритм-энд-блюзе. Сначала так назывался стиль танца, потом стиль музыки.

Корреспондент: Да как же так получилось, что наши белые парни и девчонки помешались на черномазой музыке?

Теоретик: Вы не знаете самую популярную книгу 57 года в США?

(Из зала: Норман Мейлер «Белый негр»).

Теоретик: Слыхали? Белый негр, негр! Сто лет назад в Америке были рабы-негры, которых могли продать, убить, и стоило им только начать рассуждать, их тащили пороть на конюшню. Все, о чем они только могли мечтать — более или менее сытная похлебка. А сейчас мы все рабы у них (показывает на потолок), нас могут убить атомной бомбой, наших детей забирают на пушечное мясо в Пентагон, и, стоит нам начать рассуждать, нами занимается комиссия по расследованию антиамериканской деятельности, и все, к чему мы можем стремиться, это более или менее сытная похлебка. Мы все — рабы и поэтому наши дети вопят и танцуют под негритянские песни.

На сцене играет группа «Игги», песня американских студентов «Денег нет». Текст Немирова М., музыка Жевтуна И. Слайды с лозунгами контркультуры.

Ведущий: И так было три года. 60-й год. Из рок-музыкантов кто погиб, кто резко сменил направление, а тут еще появился новомодный твист. На сцене воцарились Клифф Ричард, Энди Уильямс и др. — кумиры тогдашних домохозяек и стареющих дамочек.

(Фонограмма Э. Уильямса, слайды)

Фонограмма обрывается на середине и врывается песня «Битлз».

На сцене Дроумыч, Теоретик и Секретарь.

Секретарь: «М-р Теоретик, вы не могли бы дать некоторую справку м-ру Дроумычу?»

Дроумыч: Я сам! Мы одно время делали хорошие деньги на этом парне, как его… Игги! Но потом это как-то заглохло. Сейчас объявились эти «Битлы», и их менеджер делает на них неплохие

деньги. Нам тоже хотелось бы. Посоветуйте нам кого-нибудь.

Теоретик: Пожалуйста! Игги Джифтоун!

(Группа делает песню «Чужая страна» Боба Дилана (перевод). На сцену врывается полиция и утаскивает музыкантов)

Дроумыч: Да вы что, сдурели? На этих ублюдках деньги делать! Кто будет их слушать? То есть будут — наркоманы, бродяги и прочее отребье.

Теоретик: Ошибаетесь! Это будут слушать самые нормальные белые парни и девчонки. Вы, их родители, бьетесь по восемь часов на работе, чтобы купить новый телевизор, вы — мертвецы, а ваши дети живы и хотят жить. Они не хотят походить на вас. Они лучше по уши влезут в дерьмо, лишь бы не нравиться вам.

(Группа играет «Лучше по уши влезть в дерьмо» Сл. И муз. И. Жевтуна и М. Немирова)

Фонограмма рока 60-х:

Ведущий: Хроника тех лет: 67 год — В Америке появляются первые хиппи; 67-й — захваты университетов, демонстрации студентов; 68-й — Мохаммед Али отказался идти во Вьетнам и загремел в тюрьму; 69-й год — Вудстокский рок-фестиваль.

Игги Джифтоун исполняет песню «Девчонки», муз. А. Кузнецова, сл. М. Немирова

Ведущий: И наступил декаданс.

(Группа «в образе контркультуры» — длинные волосы, нелепая одежда, вялые движения. «Осенняя влага», муз. А. Кузнецова на стихи Т. С. Элиота)

Ведущий: 73-й год. В богемных кварталах Нью-Йорка объявляются панки, сметающие старых рокеров со сцены. (Группа поет «Мы все в конце» Клэш. «Тинейджер» А. Кузнецова. Слайды)

Все кончается новой волной.

Формация Инструкция по Выживанию, 1986 год.

Окончание

Постановление комитета ВЛКСМ ТГУ
«О недостатках в организации досуга студентов университета»
от 21 апреля 1986 года.

Заслушав и обсудив информацию зам. секретаря комитета ВЛКСМ Гинтера А., комитет ВЛКСМ ТГУ отмечает: в организации свободного времени студентов имеются серьезные недостатки и упущения. А именно: нарушается планомерность проведения мероприятий: низкое идейное содержание и художественное содержание многих вечеров, дискотек, на них не обеспечивается должный порядок. Многие комитеты, бюро ВЛКСМ факультетов устранились от организации таких мероприятий.

Год тому назад на базе Университета был создан клуб любителей рок-музыки в целях изучения, пропаганды этого направления в музыке, в целях улучшения содержания музыкальных вечеров, дискотек. Однако в руководстве клуба и среди его участников практически не оказалось студентов университета. Коллектив не был грамотно оформлен, влияние на работу коллектива пытались оказать студенты, отчисленные из университета по академической задолженности или исключенные из рядов ВЛКСМ, лица сомнительного поведения.

В результате за год работы клуб совершенно не вырос в идейном и художественном плане. Занятия в нем проводились бессистемно, на них не обеспечивался должный порядок и культура поведения была не на должном уровне. Клуб пытался привлечь к себе студентов не содержательной работой, а распространением низкопробных произведений, безответственными заявлениями и обещаниями.

Работа клуба сопровождалась многочисленными инцидентами: выпивками, потасовками, беспорядками, порчей государственного имущества.

Однако комсомольцы и студенты ряда факультетов университета, входившие в состав клуба, не оказали должного влияния на содержание его работы, вели себя крайне пассивно.

Итогом безответственной работы явился вечер, проведенный

12 апреля 1986 года в корпусе № 2 университета. Вопреки требованиям художественного совета, «коллектив» отошел от утвержденного сценария. Допускались двусмысленности, вульгарные выкрики, нарушался общественный порядок, была попытка пропагандировать чужие идеи, вкусы, взгляды, тиражировать «массовую буржуазную культуру» Запада.

Комсомольский актив и студенты университета, присутствовавшие на вечере, единодушно осудили безобразные выходки организаторов и устроителей вечера.

КОМИТЕТ ВЛКСМ постановляет:

1. В связи с тем, что в составе рок-клуба практически не представлены студенты университета, а также учитывая низкое идейно-художественное содержание его работы, отсутствие должной организации в работе рок-клуба, считать нецелесообразным его дальнейшую работу в стенах университета. (Отв. А. Алимамедов, В. И. Графов)

2. Обратить внимание комитета ВЛКСМ университета, бюро и комитетов факультетов на идейное и художественное содержание работы самодеятельных творческих коллективов, обеспечение образцового порядка на вечерах и дискотеках, проводимых в университете. (Отв. Худсовет ТГУ, комитет ВЛКСМ).

3. Бюро ВЛКСМ университета рассмотреть поведение и дать оценку членам рок-клуба, являющимся студентами университета, не проявившим необходимых политических качеств, неспособным отстаивать идеалы и духовные ценности советского общества. (Отв. Секретари комсомольских бюро факультетов)

4. Студенческому профсоюзному комитету обратить внимание на более тщательный отбор кадров художественных руководителей самодеятельных коллективов. Обеспечить должный идейно-политический уровень их работы. Считать нецелесообразным дальнейшую работу в качестве художественного руководителя студенческого клуба студентки 4 курса ФРГФ Кораблиной М. (Отв. Селиванов В.)

5. Студенческому профкому, комитету ВЛКСМ, художественному совету совместно с партийным комитетом создать координирующий центр по организации досуга студентов университета. (Отв. В. И. Графов)

6. Довести настоящее решение до комсомольских групп, организаций, в которых состоят на учете члены рок-клуба. (отв. А. Гинтер)

7. Довести настоящее решение по СК, ГК, РК ВЛКСМ, а также комсомольских организаций вузов, техникумов, ПТУ, школ, где обучаются члены клуба. (Отв. М. Филаткина)

8. Проинформировать комсомольцев и студентов университета о содержании обсужденного вопроса через многотиражную газету «Ленинец». (Отв. Н. Старых)

Секретарь комсомола ВЛКСМ ТГУ А. Михеев

Ответ рок-клуба на постановление комитета ВЛКСМ ТГУ

Постановление комитета ТГУ от 21 апреля 1986 г. является несправедливым по следующим пунктам:

1. В постановлении говорится, что «год тому назад на базе университета был создан клуб любителей рок музыки» и не указывается, при какой общественной организации он был создан и должен был существовать. Сделано это потому, что рок-клуб долго подвергался административному футболированию, организованный в марте 1985 г., утвержден он был только в январе 1986 г.

2. «коллектив не был грамотно оформлен…» — Рок-клуб неоднократно представлял необходимые для оформления документы.

3. «…влияние на работу коллектива пытались оказывать студенты, отчисленные из университета по академической задолженности или исключенные из рядов ВЛКСМ, лица сомнительного поведения» — По академической задолженности был отчислен только один член клуба — студент физического факультета Р. Неумоев. Но он «не пытался оказывать влияние», а оказывал, так как входил в правление клуба и об этом было известно как в студпрофкоме, так и в комитете ВЛКСМ ТГУ. (Куда же они смотрели?).

4. «За год работы коллектив совершенно не вырос в идейном и художественном плане». — Работа клуба никем не проверялась и никем не контролировалась. В отчете о проделанной работе, прилагаемом к письму, видно, что коллектив очень даже вырос и в том и в другом плане.

5. «занятия проводились бессистемно». — Это никто не проверял. Они проводились регулярно, и по представленному плану работы.

6. «на занятиях не обеспечивался должный порядок, и культура поведения была не на должном уровне». «Работа клуба сопровождалась многочисленными инцидентами: выпивками, потасовками, беспорядками, порчей государственного

имущества». — Нет ни одного официального документа, где бы это было зафиксировано.

7. «клуб пытался привлечь к себе внимание студентов не содержательной работой, а распространением низкопробных произведений, безответственными заявлениями и обещаниями». — Что имеется в виду под низкопробными произведениями? Если материалы членов клуба о советской и зарубежной рок-музыке, которые не распространялись, а обсуждались на заседаниях клуба, то они приложены к письму, хотя навряд ли имеются в виду именно они, так как никто из ответственных работников не пожелал ознакомиться с ними.

8. «итогом безответственной работы явился вечер, проведенный 12 апреля 1986 г. в корпусе № 2 университета. Вопреки требованиям художественного совета, „коллектив“ отошел от утвержденного сценария. Допускались двусмысленности, вульгарные выкрики, нарушался общественный порядок, была попытка пропагандировать чуждые идеи, вкусы, взгляды, тиражировать „массовую буржуазную культуру“ Запада.» — Сценарий, утвержденный просмотровой комиссией в составе заместителя секретаря парткома по идеологической работе Черкашина Г. В., председателя студпрофкома Селиванова В. Е., председателя худсовета ТГУ Рогачева В. А., представлял собой театрализованный пародийный показ истории рок-музыки. Первая часть вечера шла по утвержденному сценарию, а вторая часть его представляла собой концерт ведущей группы клуба «Инструкция по выживанию». В контексте второй части, так как не было объявлено о прекращении театрализованного представления, первая часть — пародийная история рок-музыки, могла быть воспринята не как пародия, а как изложение от своего лица, т. е. вместо критики, восприняться как присоединение к показанному. Тем более что продолжался показ слайдов, служивших иллюстрацией к первой части, что является недосмотром организаторов вечера. И попытки пропагандировать «чужие идеи» и т. д. не было, были чисто технические просчеты, вызванные неотрепетированностью представления из-за малого срока подготовки, новизной, нестандартностью формы, выбранной клубом для проведения вечера.

9. «студенты университета, присутствовавшие на вечере, единодушно осудили безобразные выходки организаторов и устроителей вечера».

На наше требование созвать открытое комсомольское собрание, где бы студенты, присутствовавшие на представлении, высказали бы нам в лицо свою принципиальную оценку, Черкашиным Г. В. и Михеевым А. было отвечено: «Много чести». Тем не менее, секретарь комитета комсомола ТГУ Михеев А. не посчитал, что будет много чести собрать, при определенном психологическом давлении, объяснительные записки со студентов.

(Из журнала «АНАРХИЯ», выпускавшегося в Тюмени под редакцией Романа Неумоева и Игоря Селиванова в 1986–88 годах)

Эпилог первой книги

На этом, вот, приходится завершить первую книгу о том, как в Тюмени, в начале 80-х годов XX-го столетия, группа упомянутых выше товарищей, пыталась разворошить едва тлевший костерок музыкального авангарда и запалить фитиль рок-революции. Внимательно прочитавший эту первую книгу обязательно должен был увидеть, что процесс этот имел совсем даже не стихийный характер.

Не было это неким «народным процессом», неким «стихийным проявлением творческих сил народных масс», как это хотелось все время представить Мирославу Немирову.

Он упорно не желал видеть, казалось, очевидное. Что культура рок-н-ролла, пришедшая к нам в Россию вместе с лозунгами «peace and Love» американских хиппи, по сути, идея не новая. Она пришла на волне романтических рассказов про Вудсток, ЛСД и прочих сказок и грез о свободе, любви и всечеловеческом братстве, которого нас тут лишили всяческие негодяи, бюрократы и прочие душители свобод. Можно подумать, что в XX веке такие же витии и борцы — ниспрвергатели, не голосили о том же самом?!

Свободу, в том числе, свободу творческую, душили всегда. Во все времена можно легко отыскать тех, кто этой свободы был лишен, кто лишал ее, и отбирал у этих «лишенцев», кто боролся, так или иначе, с теми, кто отбирал, и радел о тех, у кого отбирали. Ничто не ново в этом подлунном мире!

И всегда одно, и тоже. Те, кто отбирает у других свободу, делает это из лучших побуждений.

Те кто, с этим борется, всегда — лучшие люди, авангард, так сказать, человечества. Большинству, живущему текущими житейскими делами, нет дела ни до тех, ни до других. Они всегда слишком заняты самим процессом жизни.

Они никогда не сердятся всерьез на тех, кто лишает их свободы, и смотрят с сожалением, как на придурков, на тех, кто им эту свободу норовит вернуть. А что они с ней будут делать? Ведь это, в сущности, такое бремя. И такая ответственность! Большинство людей боится ответственности. Большинство предпочитает пребывать в полудреме социально-бытовой повседневности. И будить их бессмысленно и опасно. Как говорят,

дураков учить, что мертвых лечить.

Никто не хочет быть убит
упавшим вдруг балконом,
Но каждый любит морду бить
Прохожим и знакомым.
Никто не хочет всех спасти
И быть за то распятым,
Но каждый любит погрустить
О всяком непонятном…

(группа «Инструкция по выживанию»)

Но пока мир таков, каков он есть теперь, не прекратит своего существования, волки будут пасти, и стричь баранов, а герои, бросающие вызов волкам, будут умирать с блаженной улыбкой на губах.